

Минск (Наш корр.). 20 июля созывается первый после съезда пленум правления союза советских писателей Белоруссии. Кроме докладов анд. Домбала о проблеме белорусского Днепра пленуму докладывают творческие вопросы: доклады о работе двух писателей Гартного и Барановых. Пленум продлится пять дней.

Смоленск (Наш корр.). 15 июля в Смоленске созывается первый совещание оборонных писателей Белорусско го округа. Развернута подготовка и совещание. Красноармейский кружок готовится творчески отчет.

Хабаровск. В Александровске на Сахалине начинается постройка памятника Ленину.

Ленинград. Ленсовет организовал музыкальный техникум для нацменьшинств Востока. При техникуме создается детская музыкальная школа (Роста).

Дневник Литературной газеты

9 июля Режим террористической диктатуры напал в Германии на нас с наибольшей силой. Роденный благодаря активной поддержке финансового капитала, в течение многих лет привлекший самую гнусную социальную демонологию, призванный к военным авантюрам, созданный в первую очередь для небывалой еще эксплуатации рабочего класса и крестьянства, питающийся каннибальской философией, — этот режим сам себя разоблачил, особенно в событиях последних дней.

Национал-социалисты, защитники вырожденца класса эксплуататоров, апологетики «солдатского фельдфебельского духа», воспевавшие войны как положительное начало человеческих устремлений, — что создали они за истекшие полтора года своего владычества?

Если германский фашизм так называется «стрельной империей» не только не удачливости экономической политике страны, то ему также ровно ничего не удалось добиться в литературе, искусстве и театре.

Да, правда, фашизм окружил себя горсточкой писателей, поэтов, драматургов, театралов, искусствоведов, из которых большинство либо вовсе безымянны, либо существовало и могло существовать и до эпохи фельдфебельской монархии. Те, которые пришли в литературу «через фашизм», строго говоря, вообще не достигают уровня литературы и искусства. Но «сокружить себя» писателями и поэтами, унифицировать печать, изобрести сотни лозунгов, из которых все тривиально и напыщенно, но столь же бессодержательно, регламентируют культурную жизнь, захватываясь от истинного творчества.

Германскому фашизму не удалось создать ни одного сколько-нибудь значительного художественного произведения, ни одного произведения, которое стояло бы на уровне буржуазной литературы, заграничной из страны. Неудача роман министра пропаганды Геббельса «Михаэль», который является карикатурой на литературу, роман, который ничем не отличается от настоящей «Asphalt» против которой якобы борется национал-социализм, или романы Бойльборгера или Гримма, или романы Штета, — неудача всеми произведениями действительно гордится национал-социализм, — а если это так, то каковы печальные результаты фашистской литературы! Они ничто не создали в области драматургии и театра, если не считать пьесы Юста «Шаггерт», которая не достигает даже уровня избитых зюдермановских произведений, если не считать возрождения аляповатых театральных постановок, где нет даже новизны мысли, идеи режиссура. Они не создали ни одного фильма, о котором можно было бы сказать, что он продолжает киностроительство Германии, которым эта страна имела право гордиться. Даже когда создается фильм, для успеха которого уж, наверное, были обеспечены все необходимые условия, фильм о «национальном герое» сутенера Хорста Весселе, то даже тогда он терпит фиаско: фильм стыдливо снимается с экрана как не отвечающий «действительным задачам национальной революции». Единственно это они сумели, — это во всем, начиная от философии и кончая детскими игрушками, возродить самую бесшабашную фельдфебельскую чисто прусскую военную агитацию, она пропитывает все, накладывая на все живое печать маразма и идейного оупутешения.

Искусство, призванное питаться реакционной, обращенной к прошлому, философией, последние, крайними планожами о спасении через фашизм, искусство, которое строится на идеологии, требующей от на-

Литературная газета

ОРГАН ОРГКОМИТЕТА СОЮЗА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР И РСФСР

№ 86 (402)

9 ИЮЛЯ 1934 ГОДА

ВЫХОДИТ ЧЕРЕЗ ДЕНЬ

На Средней Волге срывают подготовку к съезду оздоровить литдвижение края

От нашего специального корреспондента

Наша газета в статье «Волтуны из Самары намегают слвиги» (№ 26) сигнализировала о прорыве на Средней Волге в учебно-творческой работе и руководстве литкружками. Добился ли край передела? Прошло несколько месяцев, но в Самаре ничего не изменилось. Редакция получила из края ряд тревожных писем. Ознакомление на месте подтвердило правдивость сообщений о серьезных недостатках в работе краевого Оргкомитета, издательства, журнала «Волжская новь» и в руководстве массовым литдвижением со стороны крайпрофсовета.

А в Самаре без перемен

«До последнего времени мы были» в плену организационных вопросов, — констатирует руководитель краевого Оргкомитета Т. Бритов. Сейчас, правда, наметены и читательские конференции и семинары по повышению философского образования писателей и орг. фельдатора, и посылка бригад в Оренбургский округ. Но пока еще это только думки плана, которые ожидают, может быть, судьба предшественника.

Вель так же вот намечали на истекшие полтора года провести вечера драматургии, критики и детской литературы, создать кабинет рабочего, собрать альманах к съезду писателей и т. д. — отодвигали эти с февраля на апрель, а отсюда на июнь, чтобы пережить снова. И даже самой статьи «Литгазеты» не удалось облудить.

Правильно отложили краевой съезд писателей (на август), но зачем же откладывать подготовку к нему? А определили не чувствуются. Съезду вообще вызвала подъем и оживление литературной жизни, но не в Самаре.

Правда, за последнее время проведено несколько творческих вечеров (Самарские, Агуновы, Барговы, Возняки), на которых выступали представители канцелярских и организационных дел на творческую работу характеризуется тем фактом, что даже статей А. М. Горького до сих пор не обуждали. Дискуссия о языке — и та обошла Самару стороной! И надо сказать, это находит свое отражение (а, может быть, объяснение) и в самом качестве местной литпродукции.

В набор, в набор!

Средневолжский крайГИЗ выпустил более десятка художественных произведений, несколько альманахов, издает еженедельный журнал. Таким образом, писатели края не могут жаловаться на трудности печатания. Скорей наборот — слишком беспрятственно скопляет рукописи с авторского стола в типографию и на печатанье (а не редко даже в макету).

Так, выпущены рыцарские романы Соколова. Несмотря на интересную биографическую материю, остаются грубо фактурными многочисленные произведения Агунова, лишенные признаков художественности. Только ослабление партийной бдительности позволило пустить в свет 1 том романа Кузнецова «Гулаг», представляющего образчик грубого психологизма и проработки подзадательно.

Журнал «Волжская новь» печатает на своих страницах совершенно слабые или кривые вещи (пьеса Нозлова, значительная часть стихов).

Для всех печатающихся в крае произведений типична торопливость и неряшливость в обработке, сказывающаяся на яркости образных средств, на композиции и особенно на языке.

За краевым издательством (он же теперь руководитель Оргкомитета) Т. Бритов отдает себе отчет в качестве продукции: «Литература края очень слаба — это признают все, за исключением некоторых опытных владельцев собственных книгами. Его тревожные и меткие замечания о выпущенных книгах оделали бы честь ему как критику, но вель Т. Бритов «слабый отячь» по данному делу и никак не показывает не замечит прямого ответа на вопрос: а что же дальше? Не повторятся ли эти ошибки?

План издательства по художественной литературе включает 24 названия, вышло — 7. Приводим список Т. Бритова о положении в издательстве: «Солопов исчерпал свой багаж, не изучает материал, много списывает у Фатеева и Артема Веселого, врал ли мы выпустим его роман. Оничук над книгой «Изюбовы в казарме» не работает. Руконис Пичица «Девушка в шинели» возвращена автору как не справившемуся с темой. Роман Агунова «Борьба» — провал, придется из плана снять. Альманах к съезду писателей был составлен, но весь материал забракован. Отключен и сборник красноармейских поэтов. Расторгнут договор на книгу Тимофеева «Через омуты вня техника», — автор никогда ничего не писал и не сумел даже притупить к работе. Нельзя рассчитывать на получение рукописи Великославинского «Золото, железо и медь в Заволжье». Истекает срок договора у В. Кузьмина, но он ничего не пишет и не напишет. Вычеркнем из плана и роман Горюнова и козляные

очерки Савосина. Сейчас мы будем предвзгляд к краевой литературе значительно более высокие требования.

Очень хорошо, что Т. Бритов вводит суровый брак. Пора! Но такой процент выполнения показывает, во-первых, насколько безответственно составляли план и подмахнули договор, во-вторых, насколько слабо исследованная крошечная работа с авторами.

«Что же идет в производство? Набирается сборник стихов молодого поэта В. Баргова, по признанию редактора, «очень верный». Печатаются пьеса Нозлова «Волчь паст», явная безвкусица и подражание пошлостям авантюризма 1919 г.

«Классики местного значения»

Отсутствие широко развернутой самкритики создает литературную среду для ряда нездоровых явлений.

Ходит в писателях некий В. Кузьмин: за десять лет он не дал ни одного произведения, зато в каждом номере журнала хроника сообщает: «писатель Кузьмин работает над тем, задумал то-то», а Оргкомитет придумывает для него должности.

Появляется отрицательный тип «классика местного значения»: поступил начинающий автор 2—3 книги (по ошибке редактора) и вот уже он считает, что в крае никто ему до плеча не достает. Он отказывается исправлять даже явные ошибки в своих произведениях, демонстрирует покладистое отношение к недостаткам своего творчества, — именно так поступает гг. Фролов и Возняк.

Статья А. М. Горького «О литературных забавках» выколыхнула литературную Самару.

«Он словно у нас был» — восклицают местные товарищи.

Общее осуждение встречает поведение ряда молодых поэтов, чья «сатирическая забавка» красная газета «Средневолжский комсомолец» повсюду не только специально публикует (№ 126):

«Дорожин, Возняк, Вдовин помните, что вы работает над собой, продолжайте писать себе далеко не заслуженные вещи славы, они мнят себя классиками и думают, что лучше их никто не напишет». Та же газета в статье «О зазнавстве и некультурности» пишет, что Дорожин (автор двух книг, получивших отрицательные отзывы) устраивает помпезные выступления по радио, гастролирует по районам, не терпит критики, провалит поразительно высокомерие: он отказывается поехать на завод с другим молодым поэтом только потому, что тот «сачиняющий», а не выявляющийся.

Широко рекламирующей себя «свят» Вдовин жульничает в школе грамоты: он печатает такие строки: «Содержательность недр мы настоячим вырвем и в состав вагонов к мартовым погоним», рифмуем «пошрост» — новостройка! и чертеша — большевика, проанонсирует Марти с ударением на первом слоге, — но его не печатают, передают по радио, «челит поштом».

Общую тревогу вызывает тов. Возняк. Еще недавно он работал на заводе, был способным начинающим поэтом. Его поощряли, не всегда в разномор печатали, им доверяли, наконец, выпустили сборник его стихов. Эта сроскоропая профессионализация подражала его творческой самости, зато породила высокомерное самозначие. Он оторвался от завода, и когда ему поручили помочь заводскому литкружку, вырвавшие его, саботировал все задания. Он стал появляться на ответственных литературных собраниях в нетрезвом виде. А печатает он стихи в таком роде:

Не для него будынниками звезды
Стучат в глухие ставни снепы,
И будто ветер заколачивает
Гвозди

В подшвы высокой травы,
Но когда его стихи подвергли критике, он хлопнул дверью. Возняк уже третью литкружку и даже хотел жаловаться, что он «перестал здороваться».

В такой атмосфере рождается сплетни друг о друге, гуляющие по литературной Самаре.

На днях вскрылось дело Гандургов в миниатюре. Крайнич издал роман Олдукова «Красноармеец Жихарко». Одно время его даже поднимали на шит в краевом масштабе, выпустили 2-е издание (несмотря на то, что роман явно не отличается художественными достоинствами). А теперь пришел лодный автор этой книги бывший партизан. Оказалось, что в книге он изложил свою биографию. Олдуков обещал назначать и дать 350 рублей, используя его тяжелое положение (товарищ нетрудопособен), дал же всего 50 руб., хотя получил гонорар за два издания. Делу сейчас дан ход.

Никто не отвечает за литкружки

Но, может быть, за счет творческой и воспитательной работы действительно хоть организационная-то поставлена как следует? Спросим крупнейшие районы.

— Руководства края мы не чувствуем, — заявляет пред. Ульяновской оргкомиссии Т. Фич.

«Край о нас забыл, — говорит пред. Чепайевской оргкомиссии Т. Миранов.

— Нами никто не руководил, — подтверждает г. Муликовских из Пензы.

В результате прежде сильные литорганизации в Пензе и Чапаевске ныне совершенно распались, а в Ульяновской литгруппе периодически вскрываются серьезные недостатки.

Правда, край не скучится на коммандировки, но плоды их ничтожны. Так, в Ульяновске выехала выездная бригада краевого Оргкомитета. Они ставят в заслугу себе восстановление литкружка на заводе. Оказалось же, что на заводе никто и не был, а кружок работает хуже, чем раньше.

Никто в крае не отвечает за литературные кружки, никто не знает их состояния.

В крайпрофсовете это дело поручено Т. Мушину. Он не отписался: «Как будто мне... Но сейчас у нас перестройка, пожалуй, ничего не скажу». Собирались мы с инструктором Оргкомитета Т. Кузьминым заняться литдвижением, но он не пришел, а я занял олимпиаду самостоятельного искусства, — мне не до литкружков».

Безответственность дошла до того, что на совещание по литкружкам в Краевом партии был послан от КПСРС... работник по орсам.

Вся беда в том, что это доказывают вопиющие случаи края, очень плохо наладившие литработу, потому что там — четкая ответственность за исполнение директив (следует отметить лучшие красноармейские литкружки Самара и Ульяновска).

Крайком ВКП(б) месяц назад вынес решение:

«Констатируя неудовлетворительное выполнение профсоюзом края постановлениями ЦККП и ЦКП писателей, Оргкомитета ССР и ЦБ писателей, объявить крайпрофсовет акционером работы литературных кружков на предприятиях, в совхозах и колхозах непосредственно в круг культурно-массовых профсоюзом, обеспечивая кружки всеми необходимыми средствами, силами и конкретным постоянным руководством».

Но постановление было много, и чтобы его не разделили ни участие, нужна проверка исполнения и примерное наказание виновных, а этого пока и не видно.

Эти недостатки заслоняют то положительное, что сделано в крае: своевременный выпуск Крайгазом комсомольского альманаха и ряда детских книг, работа красноармейских литобъединений, творчество серьезно работающих писателей. (Рутыко, Морозов, Правдин, Тропелский, Саватеев, Барго, Клементьев и др.).

Несмотря на неоднократные директивы крайкома партии и личные прямые указания зав. культурным Т. Спичинского, краевой оргкомитет, издательство и профсоказы не обеспечили передела.

Необходимо еще до съезда развернуть широкое обсуждение положения литработы в крае. При этом выявление должно быть сосредоточено на повышении качества произведений и создании здоровой среды, способствующей учебе и творчеству писателей. Огромная задача мобилизации на это литературной общественности края выявляет блага всевозможного Оргкомитета (под руководством Т. Караваева).

У Средней Волги нет никаких объективных причин отставать от других краев и областей в подготовке к съезду, и это отставание должно быть ликвидировано.

ВЛ. НИКОНОВ.

Н. КРУПСКАЯ ПЕРВЫЕ ШАГИ

В «Литературной газете», в № 73 от 10 июля, была помещена моя статья «Библиотека и писатели», где я говорил о необходимости писателям взять шефство над таганрогской библиотекой им. Чехова. Таганрогский рабочий завод № 31 т. Золин внес в фонд библиотеки им. Чехова 30 книг и вызывает всех ударников своего завода. «Таганрогская правда» помещала с этой стороны призыв в рабочим 31-го завода. Председатель таганрогского горсовета т. Шульгов ввел 50 книг, то же сделал т. Тутман. Тер-Минасов, Моррисон, вызвав еще пелый ряд товарищей.

Заведующий горно т. Шевченко пишет, что таганрогские оргбуры советских писателей с этой стороны приняло ряд мер, связанных для этого с крайним оргкомитетом советских писателей. Горно вместе с этим призывает внимание к библиотеке всего учительства, технических и научных сил города и всю многотысячную массу пролетариев таганрогской промышленности.

Собрание в ознаменование 30-летия смерти А. П. Чехова прошло при активном участии трудящихся Таганрога.

Работа таганрогских партийных и общественных организаций над библиотекой им. Чехова — показ того, как строятся наши культурные учреждения.

Однако проделанная работа — лишь первые шаги.

Заведующей центральной таганрогской библиотекой им. А. П. Чехова т. Поповой нужно будет, опираясь на полную общественность, развернуть громадную работу. Библиотеке им. А. П. Чехова надо будет придти на помощь рабочим завода № 31, козляникам, строителям, растущему советскому молодому учительству, надо поднять весь лабу на очень высокую ступень. Думается, что таганрогской библиотеке им. Чехова участвовать в этом деле.

«Таганрогская правда» стала освещать этот вопрос на своих страницах. Через несколько дней Черкавстройтрест г. Ростова внес 5 тыс. руб. для организации «полки строителей», заявив: «Возрастают культурные требования наших строителей, требующих в Таганроге, обязывая нас к материальной помощи в этом деле». Всем трестам надо бы брать пример с Черкавстройтреста.

Заводской партийный комитет козляновского завода № 2 постановил из заводских средств выделить для чеховской библиотеки 500 руб., культурмассовому сектору организовать сбор литературы новейших изданий и поручить т.

Библиотеки Украины — всеобщему съезду

ХАРЬКОВ (Наш корр.). Наркомпрос Украины, культотдел ВУСНС и правление союза советских писателей УССР обратились ко всем обком. об. и райпрофсоюзам, обком профсоюзов и ФЭМК, объединяя союз советских писателей и ко всем массовым библиотекам со специальным письмом, повелевающим подослать подготовку к всеобщему съезду писателей.

Письмо в основном касается подготовки к съезду массовых библиотек.

Констатируя значительные достижения в работе библиотек, письмо особо отмечает опыт киевских библиотек, показывая ценные и разнообразные формы массовой работы, как то: читательские конференции, творческие отчеты писателей, выставки, собрание и обработка читательских рецензий и т. д. Жизнь, эффективную работу по выявлению читательских требований развернула также детские библиотеки, широко используя путь аякет.

Значительно работают и заводские библиотеки Харьковской области, библиотека в Виннице и ряд других.

Однако в работе библиотек имеются и значительные недостатки, в основном сводящиеся к оторванности библиотек от местных писательских организаций, к замыканию в проработке произведений преимущественно прозаических, к игнорированию драмы, драматургии и очерковой литературы.

Письмо предлагает библиотекам всемерно использовать оставшееся до съезда время для выявления читательских мнений о творчестве отдельных писателей, об отдельных произведениях, о требованиях массового читателя в отношении тематики, художественного оформления книги и т. д.

Чтобы поставить на надлежащую высоту работу библиотек в области критики, надлежит поставить работу с начинающими писателями, местным писательским организациям предложить прикрепить к библиотекам отдельных писателей.

Для участия в работе всеобщего съезда писателей библиотеки работницы Украины выделит специальную делегацию. Право на участие в делегации будут иметь только те области, города и районы, которые проведут работу по подготовке к всеобщему съезду с надулучшими качественными и количественными результатами.

ПРЕДСЪЕЗДОВСКИЙ ПЛАН

ХАРЬКОВ (Наш корр.). На очередном заседании президиума правления союза советских писателей Украины утвержден план работы на время до продолжения всеукраинского съезда писателей в Киеве и всеобщего съезда.

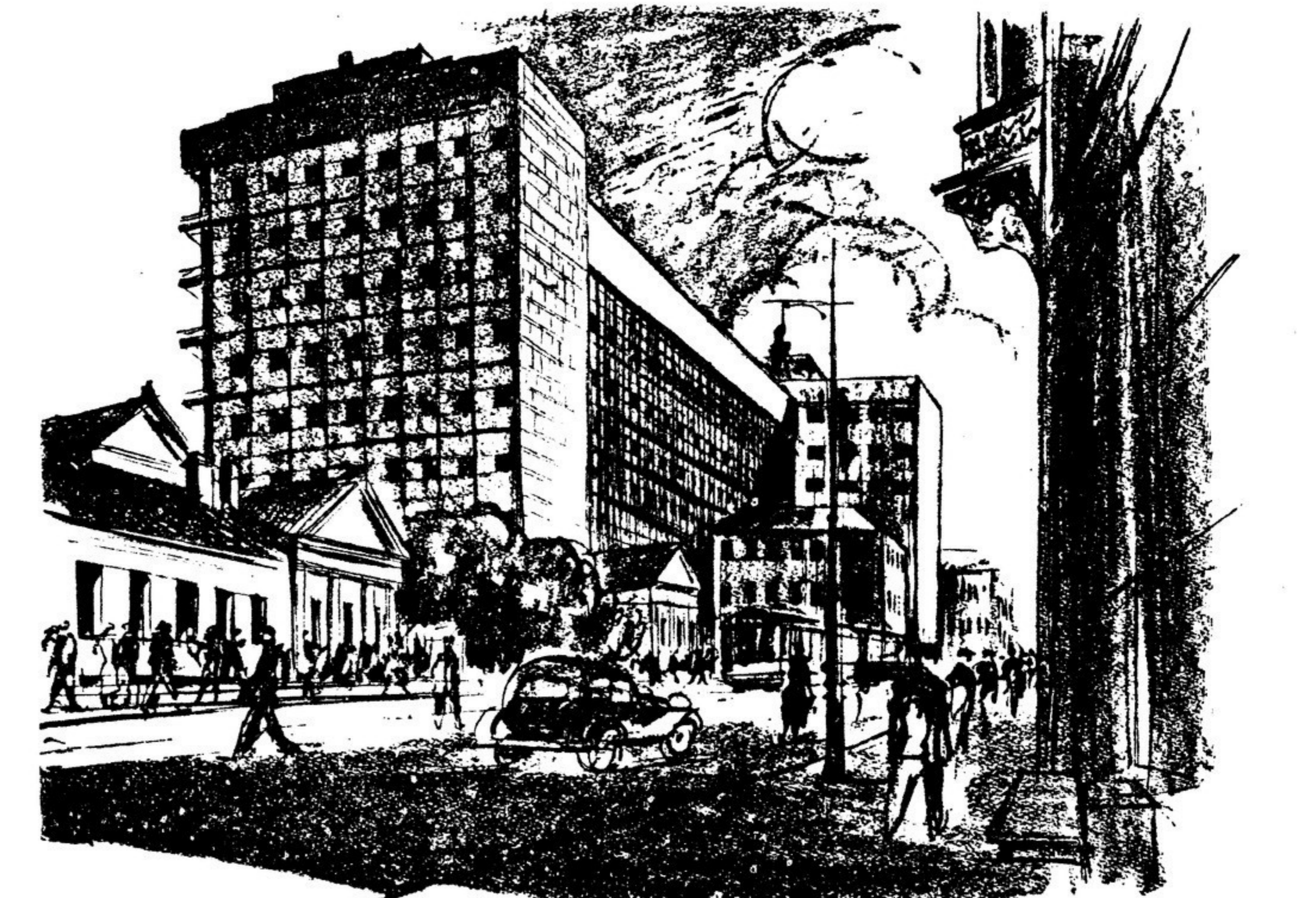
План, охватывающий пять недель, предусматривает организацию факультета культуры для квалифицированных писателей в Киеве и организацию вечернего литературного факультета для старожел и молодых писателей.

Обращая серьезное внимание на создание «Истории фабрик и заводов», решено пересмотреть на совместном заседании в Всеукраинской редакции «Истории» состав писательских бригад, работающих в данной области, кроме того президиум

постоянно обратиться к Институту краевой професуры (факультеты литературный, исторический и экономический) с предложением проанализировать вышедший первый сборник «История фабрик и заводов».

В порядке изучения русской поэзии (творчество русских писателей на Украине) президиум поручит специальной бригаде детально проработать стихи, печатаемые в журнале «Советская литература».

План работы охватывает также детальную проработку материалов секционной работы съезда (секции еврейской, русской, детской и оборонной литературы) с тем, чтобы руководители секций отчитались за работу секций на заключительном заседании всеукраинского съезда в Киеве.

Новая Москва
Мясницкая улица. Дом Наркомлеппрома, п строенный по проекту архитектора Корбюзье
Рисунок Д. Рубинштейна

Книга К. Чуковского «Люди и книги шестидесяти годов» — составлена из начатавшихся ранее статей. Книга — удачная. Но удачу эту надо не только приветствовать, но и объяснить.

Книга посвящена вопросу о литературном расколе дворян-либералов с разночинцами-демократами в 1855—1863 гг. Раскрытие этого вопроса К. Чуковский сделал так, что придает ему работу близкой марксистской истории литературы. Это — не псевдоблизость вулгаризатора, говорящего одинаковыми с марксистом терминами. Близость тут создается на почве выбора темы, проникновения в материал и отношения к предмету взгляду в разбираемых вопросах.

К. Чуковский занялся разночинно-демократической литературой 50—60 гг., промучав ее копию, обняв ее содержание, нашел срежотиче и питательную базу борьбы, какая возникла в связи с появлением этой литературы. Он вытиснул на свет божий тапик, казалось бы, забытых писателей, как Николай Успенский и Саенпов, разведя сильный литературный поток, струившийся из такого могучего источника, как Чернышевский.

К. Чуковский пустил в оборот освещенный материал. Точный факт и заблаговременно отпечатанный документ позволили ему встать на единственно-правильный путь историко-конкретного рассмотрения явлений. Но встать на этот путь ему удалось потому, что он откинул презабвительный взгляд на литературу этого времени как литературу спального потока народолюбивых вояков, возмешивших в художественных образах эру «великих реформ», переход от векового рабства к свободе современного цивилизованного общества.

Выступление Чернышевского, по этой концепции, являлось несомненно, как неумелая попытка стать на позиции «эстетических отношений искусства к действительности» — знаменитой диссертации Чернышевского, о которой Тургенев говорил, что это даже не дурная книга, а дурной поступок.

К. Чуковский показал, что голос Чернышевского не был одиноком, что его эстетические взгляды получили в свое выражение в художественной литературе. Мы не видим единого потока в литературе. Известный эпизод раскола «Современника» — не случайный эпизод. Раскол был обусловлен не личными симпатиями и антипатиями, он был отражением раскола двух струй, демократической и либеральной, отражением подпольной борьбы классов, вступающих в передовой период новой капиталистической эры.

Раскол «Современника» — явление, далеко выходящее за пределы чисто литературных явлений. В расколе отразились наиболее рельефно, выпукло общественные отношения, характеризовавшие обстановку 1855—1863 гг. Эти годы падают на эпоху громадного демократического напора, оживления демократических настроений, студенческой атмосферы предреволюционной поры. Перелом от крепостничества к капитализму породил у дворянско-либеральной фракции

плав стремление к умеренной монархической конституции, оформила ее политическое лицо и провела разграничительные звенья между нею и порывом к крестьянской революции у Чернышевского и его «фракции».

Либералы ненавидели Чернышевского не за его «эстетичку». Когда спокойный Тургенев изрекает самое ужасное проклятие или «стерилизующий» Дружинин теряет свою немозамутность и скрежетает зубами по адресу «клоповоявшего», то это симптом резкого обострения классовой борьбы, дошедшего до самых высоких сфер идеологии.

Прекраснодушные либералы из дворянской «фракции» раздражены пелюди серией памфлетов против Чернышевского и «чернышевщины».

И неправ Чуковский, который вслед за самим Чернышевским считал Дружинина безвредным. Это была иллюзия Чернышевского, с которой он очень быстро покончил. Дружинин собрал вокруг себя всех корифеев дворянской фракции — Тургенева, Толстого, Григоровича. Чуковский пишет: «Тот высочайший и просвещенный читатель, к которому Дружинин обращал свои тонкие речи (против Чернышевского. — И. Т.), оказался мифом» (стр. 21). Как мифом? А Лев Толстой, на переписке с которым основывает Чуковский свою статью о Дружинине? Толстой, правда, порвал с Дружининым в строю родственников им обоим взглядов. А другие друзья Толстого? Возьмем переписку другого корреспондента Толстого — Чичерина. Ведь не кто иной, как Чичерин, проповедывавший «либеральные меры и сильную власть», говоря на языке истории и права против Чернышевского то же, что Дружинин в области эстетики. Как раз к этим же годам, когда, по мнению Чуковского, у Дружинина нет читателя, относится чичеринская характеристика студенческих волнений в Москве и Петербурге. В письме к брату он пишет, что волнения в московском университете были искрой, которая зажгла давно уже накопившийся горючий материал. Все это привело к полной «разрухе», всякая власть исчезла, «по рукам ходили беспрепятственно в оригинале и в литографированных черновиках сочинения Фейербаха, Бюхнера, Мошотта, и всякие социалистические учения, напротив, приобретали все большую силу». А в петербургском университете, «подверженном непосредственно влиянию Чернышевского с компанией, дело обстояло еще несравненно хуже» («Воспоминания Б. Н. Чичерина, Московский университет», 1929, стр. 16).

Были у Дружинина и читатели и единомышленники. И выпуск целой серии памфлетов против Чернышевского — почти был положен кампанией Дружинина с известной «Школой зловония» — об этом недвусмысленно свидетельствует. Как далеко отстоит «Школа зловония», сочиненная Дружининым, Тургеневым и Григоровичем, от «Зараженного семейства» Л. Толстого?

Но вот в чем К. Чуковский безусловно прав, где его несомненная заслуга, — это в том, что он раскопал в противное антидемократическим памфлетам — антилиберальный роман.

Центральное место в литературе последнего рода занимает роман Саенпова «Трудное время» (роман вышел в изд. «Академия» в 1932 г. со статьями Чуковского, перепечатанными в рецензируемой книге).

Ленин отмечал громадное значение полдензурных статей Чернышевского, умевшего находить самые разнообразные пути для изложения своих революционных идей.

Чернышевский научил и своих соратников искусству писать «обиняками» в легальной прессе и высказывать при этом самые «разрушительные» идеи. Так сыма была захватывающая сила его выступления.

Роман Саенпова — прекрасный образец этого письма «обиняками». Этот роман прекрасно раскрывает буржуазную суть либерала, срывает все маски с реформы, с отношений «с меньшим братом» либерального помещика и всех его начинаний.

Когда такой помещик Шетинин жалует на то, что крестьянин, которому он оказал «зверства», пропил три пельков, разночинцев Рязанов говорит ему, совсем в духе Чернышевского, что это война.

«— Так, стало быть, по-воему, это война, что у меня Фелька Скворцов три пелькова пропил?»

— Война.

— И что кривоногие мужики лес у меня воруют — это тоже война?

— Война.

— Хм, хороша война, нечего сказать!

— Партизанская война, брат, партизанская...

«...И, по-воему, выходит так, что всюду, где только есть помещики, там и война. Так, что ли?»

— Не совсем так.

— Как же?

— А вот как: везде, где есть сильный и слабый, богатый и бедный, там и война...

Этот отрывок говорит сам за себя, говорит о всем строе романа Саенпова. Роман Саенпова — это правильно показал Чуковский — нельзя обойти всякому, кто прикасается к эпохе 60-х гг., к начальному этапу размежевания демократов и либералов, к борьбе двух путей капиталистического развития. Нельзя будет пройти мимо и тому, что хочет высветить направление разляжных струй в художественной литературе начиная от Тургенева и Толстого и кончая народниками 80-х гг.

Отметим в заключение, что неправ К. Чуковский, когда ставит знак равенства между пониманием общины у Чернышевского и у революционных народников.

Как раз в этом трезвом отношении к общине и к «экономике» Рязанов похож на Чернышевского, который советовал не гордиться «сохранением того остатка первобытной древности» и связывать вопрос об общине с общим вопросом о «крестьянской реформе».

Община была важна для Чернышевского как переход к коммунизму, но то, что вылилось в «освобождение крестьян», заставило Чернышевского воспрянуть по адресу общины: «Выкуп — та же покупка. Если сказать правду, пусть будут освобождены лучше без земли... Лучше пропалый все дело, которое принесет им только разорение!»

Но как община могла бы стать основой для коммунизма — этого ни Чернышевский, ни его прототип Рязанов не знали. Знали только Маркс и Энгельс, обосновавшие теорию некапиталистической эволюции, развязную и претворенную в жизнь Лениным и его партией. Многие в литературном движении разночинцев-демократов близко нашему времени. В эпохе 1861—1917 гг. писатели этого направления стояли непосредственно у истоков того движения, наследником которого является наша эпоха. К. Чуковский не отгородился от этой близости, наоборот, он ее преципугал, дал конкретное выражение и сделал, к тому же, все это вполне добросовестно.

Разумеется, творчество Раднара Киялинга, этого талантливейшего представителя империалистской экспансии в литературе (как и «Поездка в Индию» Форстера), не должно рассматриваться в ряду этой беспартийной «эстовоговедческой» халтуры. Для Киялинга Индия (хотя он и искажал ее социальный пейзаж) — это не производное фотографическое ателье, среди пышных декораций которого так приятно сниматься обывателю, а триреволюционная арена — школа мужества купцов и вояков. Но, воспевая «время белого человека», с суровой непреклонностью выполняющего «нигилистическую» миссию в странах Востока, Киялинг отнюдь

В издательстве «Молодая гвардия» на днях выходит книга стихов СЕРГЕЯ ПОДДЕЛКОВА «О ВОЙНЕ, О СЛАВЕ, О ЛЮБВИ». Мы помещаем фронтиспис работы худ. А. СОЛОВЕЧИКИ.

Л. Черноморцев

Стихи о родине

В глазах у нас
Твое большое небо.

Кругом земля, которой никогда
Не отдадим.

Повсюду, где б я ни был,
Простую песню о труде и хлебе
Просту холмью, села, города,

И свет костров пожитых нам на
щени...

Бойцы твои,
И мастера твои,
Мы пьем от бурь,
Перехода потоки:
Мы дали силу
И подьем высокий
Стремление
прорывавшейся
струей!

Семей многоплеменную — на
встречу

Идем друг к другу
По путям твоим.

Как звездами,
Спокойствием отмечен
Наш ясный путь.

И каждое наречье
Для нас понятным стало
И родным.

От Севера — до хлопковых план-
тажей
И до Москвы —
Как слово, во льдах
Арктическим морозом на-

дышається
Мы все смогли!

...И каждый б мого,
Страна моя,
В любых твоих краях,
Простые песни
О труде и хлебе,
О мужестве и славе услышать,
На Север, на Юге,

Где бы ни был,
В глазах любимой
Видеть наше небо
И по-сыновьи землю обни-

Сеза писателя Азербайджана открываю на Дворе тюркской культуры. Первыми, заняв трибуну в заседании президиум, стали у рамы печатники. Они поднялись с оркестром, оглашаемое гремя в огромные барабаны, требуя внимания и «хороших оригиналов, которые были бы приятно набирать для народа». Вслед за ними вошли модеры, молодые парни, одетые по-европейски и работающие на американских машинах. Парни хором, чего раньше никогда не было у тюрков, пели «сезу» свои мысли о времени и культуре. Движения партии были немощные: они перенаты у «Колонне Ленкса».

...Выступил полный, сетой, загорелый Санлы. Блестят его белые зубы, блещит пена, и кто-то пенечит: «кулацкий поэт». Поэт говорит уверенно, насмешливо, то владея аудиторией, то раздражая ее, то улыбаясь и давая ей успокоиться.

«Я писал с 18-го года. Меня преследовали националисты. Я писал много. Я видел впереди прекрасную жизнь народа. Я шел о фонтанах и о фруктовых аллеях...»

«Ты не пел, что хлопко вытеснит дыни и арбузы?»

«Я пел красоту, и за это меня называли кулацким поэтом. Я рад, что теперь жизнь идет по моему плану...»

Сеза хохочет. Делегаты бьют себя по коленным и кричат, что больше такого веселья они вынести не могут. Санлы продолжает:

«Я буду говорить о молодых писателях. Их много здесь. (В зале пелается тише). Я стараюсь читать этих граждан в три раза более молодых, чем я. Не читается. Я прошу читать их мне вслух. Может быть, тогда я пойму...»

«Назови имена.»

«Зачем буду я называть имена, отгораживая людей и добывая врагов. — И со старческим спокойствием оратор продолжает: — Я не понимаю этой (молодой) литературы. Вы берете от русских. От русских можно брать идеи, а форму никогда.»

Зал отвечает ревом, выкриками: «Правильно», «Неправильно».

«У русских нельзя учиться тюркской форме. Помните: «национальная форма и социалистическая по содержанию». Помните! (В зале тише).»

«Ты скажи лучше о своих недостатках.»

«Зачем я буду утруждать высокое собрание тем, что, может быть, было со мной четырнадцать лет назад? Я коснусь лучше следующего. Говорят, литература есть оружие. Что это: пушка, пулемет, бомба? Нет, ни то, ни другое, ни третье... Мы инженеры душ... Но по каким расчотам, по каким законам мы должны строить? Инженеры спасли людей со льдины на Севере. Можем ли мы спасти людей целого мира? Читает ли народ?»

Зал слушает: куда старый оратор клонит? Народ нас не может понять. У нас литература переполнена арабскими, османскими, персидскими, русскими и другими иностранными словами. Народ их не знает. Я возмущаюсь: прочт чужое, и пусть язык будет чист, пусть будет он народным...

Сеза слушает, вздумывается... куда клонит старый оратор? Нужно очень осторожно распутывать его плетения. (Как сложна, действительно, эта проблема языка. Берем для проверки предложение акад. Марра, основоположника материалистической языковой теории. Он говорит, притом очень резко, против литературных ограничений, указав и т. п. Он стоит за волнение, не стесняемое развитие народного языка, принимая различные его формы).

Итак, прав ли Санлы? Один за другим выходят на трибуну писатели Азербайджана, ориенталисты, критики. Они беспощадны к Санлы. За словами его они распознают националистическую узость, изоляционистские стремления. Атака идет стремительно. Пот сверкает на возбужденных лицах. Руки нервно закатывают рукава. Вспыхивают беспощадные напомнимания о практике националистов. Это они загнали народный театр в савай и подерживали русскую оперетку. Это они сделали из памятников народной архитектуры полицейские конюшни. Теперь, когда народ неограниченно черпает знания, когда он обогащает себя культурами близкими, соседними, — «ревнителе» еще смеют говорить о чечто. Они хотят захереть на замок доступ к русской и персидской литературе — к Пушкину и Фирдусу. Назад, назад, Санлы!

На трибуне Гуссейн Джавид — «первый и последний поэт тюркской буржуазии», как сказал один из делегатов. Он извинился, что не может говорить пространно и громко, как умеют говорить иные. Состояние здоровья не позволяет ему напаргать голосовые связки. Внимание «сеза», которое он замечает, позволяет, однако, надеяться, что ему будет легко говорить в тишине. Правда, даже и в этих условиях он нарушает совет врача: врач запретил ему, Г. Джавиду, ходить в места, где ругаются, т. е. в литературные организации. (20 проц. аудитории, какие-то brave молодые, смеются и аплодируют.)

Смест: Если не можешь говорить, тогда пиши. Почему молчишь десять лет?

«Я не могу найти героя. (Шум. Возгласы). Я прошу со мной говорить тихо и вежливо.»

Гуссейн Джавид удаляется, чтобы пожить в тишине и дать остыть другим. Вернувшись, он продолжает. Речь его великолепна по форме и часто не ясна по содержанию. Он жалостно говорит об изстрадах и реликтах нас народ?»

ка такой формуле: «Если я буду 70 проц. писать, как хотите вы, то могу ли я писать 30 проц. так, как хочешь?» Если бы дело сводилось к форме! Если б речь шла только о Шейх-Санай и «Сезуш...» Если б речь шла о праве использовать старинный эпос... Гуссейн Джавид, говорят, бросил как-то «новым поэтам»: «Смеете вы писать о новом времени: «Трамвай дыны-дыны», «Трактор трах-трах», «Убейте вон, башмачники!» Но сам Гуссейн Джавид не вышел за круг прямых ориентальных поэм. Если не считать одной попытки написать трагедию беломыгрантов... Время идет, и писатели имеют право кричать ему из зала и говорить в упор, как говорил Джафар Джаббарлы, драматург, навсегда порвавший с националистическим своим прошлым: «Гуссейн, не видишь ты страну? Что стало за 15 лет? Слышишь ли твои прекрасные стихи, перекладывающие ведения Магомета о женщинах? Оставь это и иди с нами!»

Логически развертываются доказательства: плох путь отставшего или уходящего в сторону от пути народа. Гуссейн Джавид снова берет слово спустя время:

«Я выступил вчера и сделал две ошибки. Сейчас может быть, я сделал третью... Я дам слово писать о героях современности.»

Двусмысленное обещание. Сеза молчит. Писатели Азербайджана будут ждать. Они хотят удачи Джавиду, но чего хочет он сам?

Пять дней, вытиснив полемку с Санлы и Джавидом, работал сеза, взвешивая книги, дела писателей...

«Богат был сеза писателей в Баку... Богат правдолюбием, страстью, славою... Селой в крепкий Ширванзаде, любимый писатель Армении, воодушевленно приветствует тюркских писателей, смеющаяся в своей речи три языка: тюркский, русский и армянский. «Из рук тюрков в армян вырван Ленинский журнал. Братушкинства кончен...». 80-летний писатель развешивает картины полувекковой и более давности... Живой свидетель появления первых вышек в Баку, создатель бакинской эпопеи «Халас» приветствует наступление и вступающие в жизнь поколения. Не уклоняясь от правды, он говорит:

«В 1911 г. национальная буржуазия праздновала мой 30-летний юбилей. Я сказал богатым нефтяникам: «Да будет свет на этой черной нефтяной земле!» Какой свет? Я не знал. Свет дал пролетариат!»

Востину так, Ширванзаде. Стаг свет культуры. Открылись лица... Стаго светла во все стороны. На расстоянии километров могучей дугой охватывает электрический свет восточный край полуострова Апшерон. На десяти километрах во тьму моря светят свет бакинских маяков и ищутых прожекторов. Стаг свет!

В «Советской литературе» выходит новое издание книги И. Ильфа и Е. Петрова «12 стульев». Мы помещаем суроблюжку книги работы КУКРЫНИНСКОВ.

А. ЛЕИТЕС

ПУТЕШЕСТВИЕ В ИНДИЮ

I. Два нобелевских лауреата и неведомая литература

Всякий раз, когда европейский читатель, интересующийся Индией, обращался к посредничеству художественной литературы, на пути своем он встречал непохожие «Джунгли» Киялинга и киялингянцев.

Они соображали, эти книги, построены тропическим красок, величием зоологических легенд, и под темпераментным напором империалистских художников немало доверчивых читателей по сей день продолжают блуждать в этих литературных джунглях, так и не открыв для себя долины Индии.

Как часто реальная жизнь этой огромной страны раскрывалась для нас только в сухих цифрах: в страшной статистике голодания и смертности индусского крестьянства и в бойких отчетах индийского сырьевого экспортера.

Достогача пестра и вдоволь насыщена картина эксплуатация Индии британским капиталом. Но ни одна «статья индийского экспортера» так беспощадно не разоблачала характер английской колониальной политики, как лоббиза и вывоз опиума из Индостана.

В течение долгих десятилетий высомерные колонизаторы навязывали многомиллионной Бенгалии — в великому ущербу для производительных сил этой страны — возделывание чмуса.

ставляли они многолюднейшие районы Азии, лежащие за пределами Индии, употребляя этот убийственный наркотик. Когда китайское правительство захотело отградить свое население от насильственного отравления опиумом и однажды потопило в море двадцать тысяч контрабандных ящиков, великобританское правительство не остановилось перед тем, чтобы железом и кровью заставить Битай отбросить свои таможи для импорта индийского яла. Три кровопролитных войны провела Англия с Китаем, пока, наконец, в 1860 г. побежденный Китай не отдал своих подданных в распоряжение английских торговцев опиумом.

Какой трагический сюжет! Вряд ли какая-нибудь фантазия поэта отважится вообразить что-нибудь более причудливое... — воскликнул в 1858 г. Карл Маркс по повому этих войн с Китаем.

Мы знаем, что буржуазные поэты для ожеления своей истощенной фантазии довольно часто обращали свои взоры к Индии. Здесь они черпали и «сверхтрагические» сюжеты для экзотических повестей и романов, здесь они находили готовый материал для фабрикация бутяфорских «индийских трюбов». Но ни разу не придалек их этот насущный трагизм жизненный сюжет. Обстоятельство вполне объяснимое: трактуя индийскую тему, сами буржуазные поэты оказывались не только проводниками и апологетами колониальной

политики, но и заправскими торговцами идеологическими наркотиками.

Угнетению Индии неизменно сопутствовала литературная эксплуатация индийской темы. В течение многих десятилетий европейский читатель отравлялся фантастическими картинками вымышленного Востока, на фоне которого провозвела литературные пигмеи, все те, для кого кругосветные путешествия (в литературе и в жизни) оказались единственной возможностью самовозвеличения. Для этой халтурной, самовлюбленной, экзотической беллетристики весьма покаятельно и загадливо и содержание книги бесславного фашистского литераторского «вожля» в портретах Ганса Гейнра Эверса: «Индия и я».

Разумеется, творчество Раднара Киялинга, этого талантливейшего представителя империалистской экспансии в литературе (как и «Поездка в Индию» Форстера), не должно рассматриваться в ряду этой беспартийной «эстовоговедческой» халтуры. Для Киялинга Индия (хотя он и искажал ее социальный пейзаж) — это не производное фотографическое ателье, среди пышных декораций которого так приятно сниматься обывателю, а триреволюционная арена — школа мужества купцов и вояков. Но, воспевав «время белого человека», с суровой непреклонностью выполняющего «нигилистическую» миссию в странах Востока, Киялинг отнюдь

не всецело чернил индусское население. О, нет... В одной из своих повел «Перед миром» Киялинг прославлял индусов, которые стояли на часах у гроба королевы Виктории явнее дальше, чем смогли выстоять английские солдаты. С превеликим удовольствием Киялинг готов превозносить индусские добродетели, если они сводятся к... покорности и терпению.

В этом разгадка того, почему — в начале XX в. — при активном содействии англичан ярже вспыхивает слава Рабиндранага Тагора, единственного из литературных представителей Индии, удостоившегося нобелевской премии. Выдвигая на первый план Тагора, английское общество мнение по сути продолжало политику поощрения туземных производителей опиума. Женственный, мечтательный и воспримчивый Тагор дополнил мужественное и действительное Киялинга. Эти две фигуры (неслучайно оказавшиеся нобелевскими лауреатами на протяжении одного десятилетия!) вычула отражают в литературе тот империалистический блок, о котором говорил т. Сталин, характеризова положение дел в Индии:

«Основное и новое в условиях существования таких колоний, как Индия, состоит не только в том, что национальная буржуазия расколовалась на революционную и соглашательскую партия, но прежде всего в том, что соглашательская часть этой буржуазии успела уже говорить в основном с империализмом. Боясь революции больше, чем империализма, заботясь об интересах своего кошеля»

ка больше, чем об интересах своей собственной родины, эта часть буржуазии, наиболее богатая и влияющая, обоеми ногами становится в лагерь непримиримых врагов революции, заключая блок с империализмом против рабочих и крестьян своей собственной страны» (речь на собрании студентов КИУТ).

Этот блок максимально упрочился в первые годы империалистической войны. Настала напряженная пора припной войны на истощение, и британская военщина вспомнила о киялингских индусах, способных выстоять явное зольше, чем английские солдаты. И вот в марсельской гавани высаживаются полки бронзовых солдат с кривыми кинжалами и остроносными турбаними. Слыши миллиарды ружей бросает Индия в военную мсорубку, до миллиона туземцев ставят она под ружье, собираемая всяческими посулами Антанты. Под Ипром, под Верденом, у полостунов в Ларнаселла, на путях к Палестине и Месопотамии погибуют десятки тысяч индусских крестьян. Покорность индусской буржуазии и долготерпение индусского крестьянина, столь воспеоте Тагором, на

чинает высоко котироваться на бирже Лондона и Парижа. Бросая на сокращение Германской империи все свои промышленные, материальные и человеческие ресурсы, британский финансовый капитал оказался вынужден допустить быструю индустриализацию Индии...

Особенно энергично развивается в эти годы туземная текстильная промышленность. В стране вырастают многочисленные протаркетские каары, и тем самым крепнут все предпосылки для другого блока — антиимпериалистического. В Индии тем временем прихлзат вести о великой Октябрьской революции. Страны Востока все больше и больше проявляют себя, по меткому выражению т. Сталина, не только как тыл империализма, но как «тяжелые резервы социальной революции»: фабричные забастовки и суровые деревенские мятежи прокатываются по всему Индостану от края до края.

Возникает естественный вопрос: какое выражение нашли эти тяжелые резервы социальной революции в художественном слове? Как выливались в литературе антиимпериалистический блок?

и совсем неизвестна нам эта же страна, когда выступает она со своими художественными запросами, замыслами, сюжетами. Наз поэтическим мышлением Индии навис тяжелый груз тысячелетних литературных традиций, религиозных оков, многочисленных формалистических условностей и кастовых предрассудков. Индусская революционная литературная молодежь должна обладать достаточно крепкой поэтической мускулатурой, чтобы прорвать эти перегородки и рассказать о сегоянних нуждах и запросах рабоче-крестьянских масс страны.

С творческом одного из крупнейших литературных представителей этой новой Индии мы имеем возможность ознакомиться. Я говорю о Вафе, уроженце Пенджаба, авторе стихотворных сборников «Бунт», «Предратуре», «Раны горла», переведенных на русский язык, и рада псеа («Индия в плену», «Пролетарская забастовка», «Бомбей», «В глуши Индии»), поставленных на светской сцене.

Его литературный голос окреп в те годы, когда окончание империалистической войны принесло индусскому народу крупнейшие победы и многих иллюзий. Отнажи, в период вересальских переговоров, туземная гаета Пенджаба об авила кокурке на лучшее поому, посвященную аглогерманской войне. Первую премию на этом конкурсе получил юный 19-летний Эс-Хабиб-Вафа. Поэт отнюдь не воспел победу анлийского оружия, напротив, он олаквивал поражение индусского народа, но эта поэма проникнула была столь темпераментно выраженным чувством ге-

II. Эс-Хабиб-Вафа

Может ли мы на этот вопрос ответить? Что знаем мы о литературе современной Индии кроме имени Рабиндранага Тагора — уроженца Бенгалии, получившего английское воспитание, окончившего Оксфордский университет и самостоятельно переведшего себя на английский язык? Известна ли нам, хотя бы по наслышке, литература, написанная на языках, восточных большинства индусов, на языке индустана, уру и др.? Таких крупных поэтов, как Нибаль (этот буржуазный мастер персидской литературной традиции оказался вынужден написать поэму «Капитал и

Н. Тошakov

„ПОЛЯРНАЯ МАГИСТРАЛЬ“

Роман Н. Тошакова является той самой ласточкой, которая если и не делает весны, то во всяком случае является ее вестницей. Короче говоря, это — едва ли не единственное у нас произведение о железнодорожном транспорте.

Автор на знакомом, видимо, ему материале транспорта и в частности паровозного хозяйства делает роман очень местным и локальным, а также производственно акцентирован.

Ситуация, взятая в романе, может быть названа ситуацией 1931—32 гг. и охватывает как кампанию за спаренную ездку, так и первые

успехи этой едзы и все, что с этими успехами связано. В этом смысле роман Тошакова может быть назван и очень злободневным и одновременно устаревшим, ибо для него характерна ставка на индустриального «братишку», который добивается успехов на производстве, главным образом, через бесконечные авралы и штурмовщины.

Тема романа — люди ремонтируют паровозы, а паровозы ремонтируют людей. Сюжетного выражения эта тема еще не получила: фэбульно роман вял. Автор еще не научился постоянно создавать образы и характеры людей, а дает лишь макеты и образчики, иногда очень не плохие. Но для того чтобы сделать их лействеными, у автора не хватает ярких характерных особенностей, ни умения эти особенности организовать, ни взаимодействия между ними характер и системы.

Особенно это относится к жанру. Рудноту, представителю технической интеллигенции, не только «срабатывает» с рабочим классом, но и реально помогающей ему строить социализм. Этот Рудный попал в северную глушь, чтоб «отсидеться там от революции», и он же после разгрома интервенции пошел безоглядно работать с большевиками. Случай этот распространяемый, достаточно типовой, но почему в данном романе совершенно конкретный Рудный пошел к большевикам, у автора не показано. Нехватало изобразительных средств.

Лучшее в романе — это характеристика машинистов и образ профсоюзного нытика Фоккина. Последний по заслугам высмеян автором, и тут оказался верен и метод и выполнение.

П. Н.

ЛенГИИЛ, 1934, тир. 10250, стр. 184, ц. 2 р. 75 к.

Дядя Павел

Это случилось после обеда. Кузнец плечом открыл дверь и грузно ввалился в спальню.

— Соскучился, сударька? — приветственно заремел он с порога и вразвалку двинулся к койкам.

Ребята притихли.

На угловой койке, закрыл лицо Фурчалой, кремал договозный Калдыба. И не успев Калдыба протереть глаза, как дядя Павел опустил его руки, похлопал по животу.

— Го-о-ден! — нареспев сказал кузнец, повернувшись к следующей койке. Он можно сопел и отлевался. Ребята, ошеломленные нагсом, не рискнули сопротивляться; при его приближении они хмурились, им казалось — его ладони так огромны, что могут сплюснуть койку.

— Этот постелет хорош! А этот — жидковат. — отбирал и браковал он.

Среди коммунаров выделялся и ставился атлетическим сложением и строптивым характером Королев Санька. Сейчас он, затаив дыхание, прикорнул на койке.

Дядя Павел добрался до Саньки в последнюю очередь и пошевелил его за ухом.

— Го-о-ден!

И здесь произошло совсем невероятное событие. Отпетый Королев, который не упускал случая хвастаться перед коммунарами своей нареспетой эластичной мускулатурой первого силача, кичился, ревниво бегая, расшаривая свою славу, вдруг Санька при всем народе заскулил жалобно, как щенок, нюхком почуявший промрубу.

— Никуя я не гонел!.. Пусть меня издекают!.. Тифом болел я, руки, ноги лопали...

Кузнец участливо склонился над постелью.

— Болен? А посмотри-ка на меня! Может, доктора позвать? Нет, ты смотри прямое, вот так! Здорово! — голос кузнеца заремел неугодуно.

— По глазам вижу: здоров. Из тюрьмы в коммуны жить пошел — за это умел... А ежели в коммуны симулировать, упрямился, то извинись ты для круглый дурак или совсем сумасшедший!

— Постой, гнида, кто тебе позволил в мертвый час до нас прикасаться? — робко спросил кузнеца Санька Умнов.

Дядя Павел методично потанул за серебряную цепочку, вынул часы. Усмех его сердито шевельнулся.

Рекомендуем убедиться: мертвый час кончился девять минут назад, теперь живой начался. Ну, собирайся!.. Поведу я вас, оглоулы, в такое прибыльное место, где сразу же пользы получите: физкультурой поделитесь и деньги ковать научитесь. Кто из отобранных заинтересуется, сып за мной! — интригующе и поветливо сказал он, медленно выходя из спальни.

Четверо, почесываясь, поднялись с матрацов. Королев, фальшиво охая, ползая к постели.

— Проститутки! — всел им крикнул Санька Умнов. — Забыли! От работы кони дохнут!... Расплатившись на матраце животом вниз, они прыкнули голову подушкой.

Его мертвый час переходил в мертвый день.

Неподалеку от дома Крафта стоял покосившаяся ветхая лачуга-кузница. Когда-то в ней обитал кустарь-кузнец со своей женой. Супруга занималась не столько горячей обработкой металлов, сколько выноуренным производством: по ночам гнала самогон. Предприимчивую чету осудили. Вкузина стала пустовать. Ржавела и протекала крыша.

Сказка

По инициативе А. М. Горького несколько месяцев назад группа молодых писателей решила создать книгу о Болшевской трудкоммуне ОПТУ. Это должна быть история коммуны за десять лет — с момента ее возникновения до последних дней. Было решено, что книга будет написана силами молодых. Группа писателей, работающих над книгой, составлена из членов объединения молодых прозаиков на издательстве «Советская литература». В коллектив вошли гг. Соловьев, Колдунов, Ильяминский, Яценев, Уваров, Тищенко, Фирсинов, Романовский, Панов и начинающий писатель-коммунар А. Осокин.

На днях главная редакция «Истории фабрик и заводов» назначила главными редакторами книги «Болшевская коммуна» М. ГОРЬКОГО, М. С. ПОГРЕБИНСКОГО и К. ГОРЬУНОВА.

Работа подвигается и концу: к 1 августа книга должна быть отдана в печать с тем, чтобы она могла выйти и 10-летию коммуны № 1.

Почетнейшим ниже отрывок рисует один из методов воспитательной работы с коммунарами: возникновение кустарного производства в коммууне Дядя Павел — один из зачинателей этого метода.

Автор отрывка г. Тищенко — начинающий писатель, начатающий всего один рассказ. Участие в создании «Истории Болшевской коммуны» является фактически его первой серьезной литературной работой.

Дождь размывал горно. Несколько раз по неизвестным причинам она загоралась. Но оттого ли что вся насквозь пропиталась сыростью, огневчатые стены не позвонились огню, лишь слегка почернели, обуглились. Лачуга не хотела гореть, ждала новых хозяев.

Они пришли. Привел их дядя Павел.

По короче он заболтовал расправа коммунара: хорош ли у них аппетит, крепко ли спят по ночам, какие болезни перенесли в детство, нет ли у кого грибки.

Коммунары рассказывали о себе не много.

Один пожаловался, что у него на сердце «сплит» твердая, как орех, опухоль. Появилась она после того, как однажды он на рынке украл буханку хлеба. Нагнали торговки. Устроила самоту Вили гирей по голове. Голова улетела, но сердце не разбилось. И когда воет опухоль, ему хочется развить рывком на пути пассажира жезла.

Второй сетовал на жизнь монашескую: запрещают в коммуне пить водку, нюхать марафет. Это еще терпимо. Главное — нет девочек.

Остальные двое упрямо молчали.

В лачуге дядя Павел велел коммунарам снать шинели, одеть кожаные куртки. Трехметровую стальную полосу он положил на ребра наковальни.

— Приготовьсь! — нареспев сковавал он и вызывающе подмигнул ребятам.

— Ну-ка, попробуйте, молотки! Минимотфизий! Королев Санька соблазнился первым, изо всей силы размахнулся кувалдой.

— Легче! — поправил его дядя Павел, наставляя в метку откинувшись зебуло.

За Санькой уярал Калдыба. Для поруганий, он размахнулся так неуважно, что кувалда взлетела в воздух, посыпавшись трухой и пылью. Ребята прыгнули со смеху. Калдыба сконфузился. Санька пихнул его в спину.

— Уйди, криворукий! Дай-ко я!.. Дядя Павел укоризненно посмотрел на Саньку и посоветовал открыть дверь, чтобы обособить пространство для влета кувалды.

Стонала наковальня.

Первый раз в жизни они рубили металл. Били промахиваясь. Зубило отскакивало. Стальная полоса, не прилегая плотно к наковальне, прыгала вправо, влево, вперед, назад.

Королев Санька спохватился раньше всех. Вытерев рукавом мокрый лоб, он удивленно обвел ребят мутными на удивление глазами.

— Ишьты! Что потеем? На кой черт нам это железо нужно? И выпустил из рук кувалду.

— Перекурите! — сказал дядя Павел, распечатывая голубую пачку папирос. Он ухмыльнулся, сверкнув золотыми коронками. На лице его, переосилен, скала выступила сетка мелких морщин.

— Знайте вы, козопузы, работали. Я, вот, глядел на вас и думал: не пропадем! В этой же самой

лбарке вылезем от разных там опухолей и болезней, ей-богу, вылезем, не пропадем! — он перекричал в лачуге пачку, и оттуда выткнулся в ряд, как в обложке папирос, пять папирос.

— Закуривайте! — ралушно презрел он коммунарам.

— Умаласиваете! На лешевку не подаетесь!.. — презрительно кузнец на ребята, утомился папиросами.

Дядя Павел сел на порог, слушая шелест фарфуга.

— Слова нет, — рубил заглавно, а все-таки с изином. Вы знаете все кривоколки, нескладности. Бьет с правой, а с левой руки ни одна не уярлет. Молотобоев тывоното шестой пробы бьет с пачки, а с левой, и с правой руки, бьет и с головы частями ударами, например, при сварке металла... это я вам покажу погладу.

— Нет, уж лучше другим показывать, а с нас хватит, докурим и смеюся!.. — позал свой голос Бесполов.

Пихнул папиросой, пошел к порогу Королев Санька, нагнувшись и осторожно с завистью пощупал на левой руке мускулы кузнеца.

— Ого! Желвак какие!.. Небось!.. Небось, трудно левой, а... Дядя Павел сжал губы, раздавывая улыбку.

— Отдохнем — покажу! — пообещал он. — А сейчас поясню, для чего мы металл рубили: это заготовки на резки — ножи сапожные. Перед отъездом в Болшеву я договорился с обуювй фабрикой «Парижская коммуна» взять у них заказ на эти резки, по четыре целковых штука... Работа капризная, аккуратная... Часть вырубленных денег мы будем распределять промеду собой как зарплату а другую часть откладывать на покупку инструмента, материла, — одним словом, на расширение и оборот производства. Договорился я с кастинскими мужиками и сохвом ОПТУ. Договорился с ними, что мои мальчишки будут им за продукты и плату ковать лошадей, перетягивать шины, ремонтировать сельхозинвентарь. Заказов палельвается уйма. Вот я и хочу спросить ваше мнение: брать эти заказы или отказать?

Коммунар Ткачев курил на короткоцах. Он дальше ввалил окурки в землю и поднял руку:

— У меня предложение: в кузнице занять отгнестилетца, чтобы на всякий случай!

— Заткнись, остолю! — перебил его Санька. — Дай мне слово. Заказ берй, за хорошую плату мы сделаем...

— Фабрика небось, богатая. Не пролезешь!..

— Луши с нее втридорога! — решительно посетовал Бесполов.

После «переклада» коммунары остались в кузнице. Зашлието горно. Началась горячая обработка паровозных колес. У дяди Павла обе руки заняты: в левой — клещи, в правой — молоток-ручник. Сталь искрится.

У Королева по лбу текут едко-коленые смешанные с копотью

рыхлае хлопья сумерек. Впереди шагал коммунар дядя Павел. Ребята подражали его походке: шли вразвалку. Их расслепленные мышки омывала приятная боль усталости.

— Что, козопузы, смолкли? Споедем «Буденного!» — на ходу презрел дядя Павел.

— «Буденного», а потом «Бузеницы!»

— Ладно, уж пропадать — так совсем! Давай!

— Запейте кто!

В колонок, подготавливая, закармливали. Подхвативший четверьгами кавалерийский марш взметнулся вверх.

Ночью дождь бил землю. За окном соны шестелели сосны. Коммунар Борисов, по кличке Философ, лежал на койке, натянув до шеи одеяло, таранил в темноту глаза и вопрошал, чтобы не забыть соседей, рассказывал Саньке Умнову:

— ...приехали за нами в торгую на рассвете трое: один — кувалка, лицом круглым, другой — ушатый, а третий — этот кузнец. Вышли меня из камеры, велел переодеться, торопят: дескать, машина вынуж жлет... Сумно мне. Думаю: амба... пропой, жизнь, договариваю... А они видят, что я распева, и указывают в коммууну подем. Я слышал о ней, просился... А не верю... Шелет сердце, коленки трусуют... А штаны как на зло понались мне широкне, переодеваю... сажу хлястик, тычу пальцы, никак не застегивается... И вот подошел ко мне этот кузнец... Когда-то я жил с матерью, пацаном в школу ходил. Былово это слово, мать ремнем отчеснет... А этот чулок, золотобый подошел ко мне и... молча застегнул хлястик... Я заревел. Почему, сам не знаю!.. Завтра сложу к нему в кузницу, попрощусь хоть в подметлаи. В люди он меня вывелет... Подем вместе... а, Санька!

Умнов не слышал. Из раскрытой рта его вылетали сильные звуки. Он спал.

В другом конце спальни двое коммунаров переминались.

— Ежели обменет насчет зарплата, я ему банку провалю...

— Ладно, ваи! А как думаешь, за кожаный фарук сколько на рынке выручить можно?

На следующий день дядя Павел, прованный за вчерашнюю песню «Буденным», выхлопотал у Мелихова для коммунаров-кузнецов спедедежду: ватные барки, фуфайки и еще дополнительное питание. В пор...

Рис. Ю. Гурвича

— Приехали за нами в торгую на рассвете трое: один — кувалка, лицом круглым, другой — ушатый, а третий — этот кузнец. Вышли меня из камеры, велел переодеться, торопят: дескать, машина вынуж жлет... Сумно мне. Думаю: амба... пропой, жизнь, договариваю... А они видят, что я распева, и указывают в коммууну подем. Я слышал о ней, просился... А не верю... Шелет сердце, коленки трусуют... А штаны как на зло понались мне широкне, переодеваю... сажу хлястик, тычу пальцы, никак не застегивается... И вот подошел ко мне этот кузнец... Когда-то я жил с матерью, пацаном в школу ходил. Былово это слово, мать ремнем отчеснет... А этот чулок, золотобый подошел ко мне и... молча застегнул хлястик... Я заревел. Почему, сам не знаю!.. Завтра сложу к нему в кузницу, попрощусь хоть в подметлаи. В люди он меня вывелет... Подем вместе... а, Санька!

Умнов не слышал. Из раскрытой рта его вылетали сильные звуки. Он спал.

В другом конце спальни двое коммунаров переминались.

— Ежели обменет насчет зарплата, я ему банку провалю...

— Ладно, ваи! А как думаешь, за кожаный фарук сколько на рынке выручить можно?

речи и ненавидит, что даже трусливое националистическое жора не могло не выдвигать автора в лауреаты. Все же, чуть только покорные мотивы в творчестве Вафы переноси в протестующие призывы, как литературное окружение поэта спешит выхолостить их содержание.

Характерно, что когда разорваный ласил в гандилие молодой поэт опубликовал стихотворение «Труп соловья», в котором призывал «омыть его, этот труп, слезами друзей» и «обратит эти слезы в бурю протеста», два враждующие литературные школы северозападной Индии Лякшоу и Дели стали бурно схоластическими приемами декорировать не на тему самого стихотворения, а по поводу двух эпитетов, какие употребил в стихотворении Эс-Хабиб-Вафа.

Среди административных преследований английских властей и неодобрительных взглядов националистических «друзей» все лучшее становилось поэту в этой обстановке.

«Когда я писал свои стихи, — рассказывает в своей автобиографии Эс-Хабиб-Вафа, — я дрожал и рыдал от возмущения против угнетателей-англичан. Вероятно, в этом и была загадка действительности моих стихов: они, как ложь, вознаизли в сердца врагов и конфликтывались на следующе утро... Не все в них поправилось и моим друзьям националистам. Я писал, что Ганги не приведет страну к свободе... Этих стихов не печатали... Мне стало тесно в Индии. Теперь уж не только враги, но и друзья отшатнулись от меня. Политическая обстановка настолько обострилась, что я вскоре эмигрировал...»

Рисую годовой, пробирался по горным тропам Афганистана, Эс-Хабиб-Вафа бежал в страну Советов... В Москве он расстел как мастер и выпрямляется как революционер, открыв-

то противопоставляя классовую борьбу, а не борьбу наций.

Перед нами несколько стихотворных сборников Вафы, в русском переводе. Мы невольно воспринимали эти стихи на фоне наших поэтических канонов и стихотворных жанров.

Пробираясь сквозь густую чащу характерных для Индии метафорических словосочетаний, по классическим для Индостана шестистрочным строкам с их одинаковой полнзвучной составной рифмой, к смысловым установкам стиха, мы часто терпели возможность его эстетической оценки. Но читая их, мы скорее наощуем воспринимать те трудности, какие преодедет поэт, домая старые поэтические каноны феодальной поэтики, и все более и более разжигаем в себе читательский аппетит к познанию обстановки бытовой, исторической и культурной, среди которой эта поэзия развивалась.

С тем большим интересом набрасываемся на роман Вафы «Гирни Камгар», вышедший в этом году отдельным изданием в ГИИЛ.

Чтение не разочаровывает, напротив. Убеждаемся, что поэт владеет повествовательной формой гораздо увереннее даже, чем стихами. Его роман ценный вклад в нашу советскую литературу. Он раскрывает то, чего не могут еще сказать нам стра-

стные отвлеченно декларативные стихи Вафы. Его тема — героическая борьба знаменитого бомбейского профсоюза текстильчиков «Гирни Камгар» с провокаторами и с предателями в своей среде и пробуждение революционного самосознания трудовой индустрии, мучительно опундальной религиозными суевериями. Здесь показаны все уровни, какие сущест в ход индусская крупная буржуазия и английская администрация, чтобы, используя религиозные распри между рабочими и опиравшись на продажных социал-реформистов и шпионов, разложить внутри протекторское движение в стране.

Здесь показаны легко и фальшиво, без укладов в индийский бытовизм, обезьяненные индийскими песнями кадры полчищ Индия, живые узлы фабничной Бомбея, душной воздушух его текстильных фабрик, подпольные заседания правленцев «Гирни Камгара» в тесных рабочих хибарках. Особенно же впечатляет в этом мастеровом романе, написанном, правда, с известной дозой сентиментальности (воплне естественной для автора-эмигранта), образы женщин: Сундри, Умри и Лаала Мани. Забывая, суверенная, робкая индийская женщина, презревающая после расстрела рабочих солдатами, чтобы отнять себя в распоряжение забастовочного комитета, так и напоминает влюбленную — духопотный — образ «Матери» Горького.

Сколько раз восторгались эстетствующие слугаия строекой некоего старого бенгальского поэта, сказавшего: «Ты не посмеешь, ударить женщине даже цветком». Эти цветы лицемерного красочерия в последние время заслонют образ полчищной индусской женщины, которую еще совсем недавно доморощенные жрецы заставляли прыгать в костер велел за умершим мужем, которую туземные фабриканты принуждают работать по 15 часов в сутки, а чужеземные гетляры Дайеры зачастую призывают пороть за всякую попытку политического протеста. И когда лицо этой женщины постепенно вырисовывается в юной революционной литературе Востока, мы напущиваем глубокую золотозонную жаду поэтических сюжетов и неспользованных возможностей. Неважно проволить параллель между «Гирни Камгар» Вафы и двумя романами японского прелегтарского писателя Токунага, где женский образ Такаэ играет ведущую роль. Это фигуры не абстрагированные, а собирательные. Читая Токунагу, мы вспоминаем о героическом руководстве автобусниц г. Токио пер-

бытия женщина была скована цепями, тем настачившей феодальной поэтика укрывала эти цепи цветами и эшерицкие опугавала она женский образ тонкой сеткой эротического линеицемерия. Прикрываясь символическим браминского учения о Кришне, индусская приуровная поэзия, зиньдо до начала XX в. воспевала всецкие реальные проявления любви этого бога к пастушкам. Конкретными в этой поэзии были не образы пастушечек, а натуралистические зарисовки этих любовных утех. Не отставала и лирика мусульманской Индии: знаменито ирериывая лицо женщины чадрой, она не упускала случая — по предлогу mimamo аллегории — с истинно религиозным усердием высоко приподымать подол женского платья.

Сколько раз восторгались эстетствующие слугаия строекой некоего старого бенгальского поэта, сказавшего: «Ты не посмеешь, ударить женщине даже цветком». Эти цветы лицемерного красочерия в последние время заслонют образ полчищной индусской женщины, которую еще совсем недавно доморощенные жрецы заставляли прыгать в костер велел за умершим мужем, которую туземные фабриканты принуждают работать по 15 часов в сутки, а чужеземные гетляры Дайеры зачастую призывают пороть за всякую попытку политического протеста. И когда лицо этой женщины постепенно вырисовывается в юной революционной литературе Востока, мы напущиваем глубокую золотозонную жаду поэтических сюжетов и неспользованных возможностей. Неважно проволить параллель между «Гирни Камгар» Вафы и двумя романами японского прелегтарского писателя Токунага, где женский образ Такаэ играет ведущую роль. Это фигуры не абстрагированные, а собирательные. Читая Токунагу, мы вспоминаем о героическом руководстве автобусниц г. Токио пер-

войской демонстрацией, о японских женских забастовках на военноплату фабрике Сенжу. Читая Вафу, мы думаем об индусской рабочей-активности Бузбабахар Бабри, недавно стоявшей во главе стачки в Галгаджие, я о многих других реальных фигурах.

Присмотревшись к облику этой юной женщины Востока значит суметь конкретно нащупать нарастание тяжелых резервов наций социальной революции в самых разных зарубежных Азии.

Не случайно лучшие революционные писатели Азии сейчас бросаются под предлогом mimamo аллегории — с истинно религиозным усердием высоко приподымать подол женского платья.

Сколько раз восторгались эстетствующие слугаия строекой некоего старого бенгальского поэта, сказавшего: «Ты не посмеешь, ударить женщине даже цветком». Эти цветы лицемерного красочерия в последние время заслонют образ полчищной индусской женщины, которую еще совсем недавно доморощенные жрецы заставляли прыгать в костер велел за умершим мужем, которую туземные фабриканты принуждают работать по 15 часов в сутки, а чужеземные гетляры Дайеры зачастую призывают пороть за всякую попытку политического протеста. И когда лицо этой женщины постепенно вырисовывается в юной революционной литературе Востока, мы напущиваем глубокую золотозонную жаду поэтических сюжетов и неспользованных возможностей. Неважно проволить параллель между «Гирни Камгар» Вафы и двумя романами японского прелегтарского писателя Токунага, где женский образ Такаэ играет ведущую роль. Это фигуры не абстрагированные, а собирательные. Читая Токунагу, мы вспоминаем о героическом руководстве автобусниц г. Токио пер-

образом китайских коммунистов великоленные образцы человеческого достоинства. Аггесса Смедли, изучающая быт китайских советов. Вплоче, стараясь понять интитуую Японию, Эгон Эрвин Кимп, Артур Голицер и др. Можем ли мы удовлетвориться, однако, этими свидетельствами показанными нашим западными друзьями? Нужен первоисточник.

Необходимо познание тех оригинальных жанров, в которых работает художественная мысль трудящихся Востока. Увы, географическая карта современных восточных литератур, как мы видели на примере с Индией, покрыта для нас почти сплошь белыми пятнами.

IV. Собиратели марок или открыватели земель?

Мы будем изучать эту литературную карту не как филателисты, с беззаботным увлечением открывая литературные новинки Бенгалия, Пенджаба, Япония, Китая... Не любопытство нумизматов влечет нас к золотому запасу восточной поэзии. Как характерно, что автор «Условий человеческого существования» Андра Мальро, страстным археологом приехавший в Китай, здесь среди событий гражданской войны отбрасывает на время свою археологические увлечения, изучая мужественные образы коммунистов, предпочитает сорвать аккурсия не в прошлое, а в будущее. Не случайно маститые писатели Китая в свою очередь перестают цитировать своих вренних классовых и обращаются к образам, созданным литературой Советского Востока, в частности к образам песни Вс. Иванова «Броненосец».

Современный Восток — это не только богатый резервуар новых тем и сюжетов, но и мощный потребитель нашей художественной литер-

Каждое более или менее интересное произведение советской литературы сразу же встречает самый активный отклик на Востоке. Еще не вышла у нас «Трона самураем», А. Рубинштейна отъемлым изданием, как японский журнал «Буагей» публикует в своем японском номере перевод этого романа. «Чусима» Новикова-Прибоя ожевлено обсуждается японской буржуазной прессой.

Что же сказать о японской протектарской литературе, загнутой сейчас в пользу, которая жалко ловит каждую нашу новинку? Не даром в последние годы для японских протектарских литературных кружков, по авторитетному свидетельству Р. Кима, такие выражения, как «Бунгакуно маунгитусториси» («Литературный Магистрострой»), является самыми привычными и близкими.

Пезачем доказывать, что все это возлагает особую ответственность на нашу литературу. Вопросы изучения восточных литератур и освоения тех художественных жанров, в каких выражают свои чувства трудящиеся Азии, являются особо актуальной задачей для нашей литературы в годы, когда уезд империалистских противоречий передвинулся в бассейн Тихого океана. Здесь, на восточном побережье Азии, японская военизация готова спровоцировать новую мировую войну. Отпор этой войне сможет дать антиимпериалистский блок трудящихся Востока и Запада. Этот блок совлает свою могучую поэзию, и она — эта поэзия — вопреки Киплингости, показывает, что «сходятся Восток и Запад» для борьбы за единую социалистическую карту земных полушарий.

«КНИГА, С КОТОРОЙ СОДРАЛИ КОЖУ»

Для нас не ново, что за границы велика литература советской литературе, что авторские подательствы внимательно следят за выходящими у нас новинками и лучшие произведения советских писателей переводят на иностранные языки. Поэтому нет ничего неожиданным в том, что крупное польское издательство «Рой» пожелало выпустить роман Б. Ясенского «Человек меняет кожу».

Неожиданности для автора началось поздно.

Издательство, решившее выпустить роман «Человек меняет кожу», обратилось к Ясенскому, как известно в совершенстве владеющему польским языком, с предложением передать ему для издания авторский вариант романа на польском языке.

Отдал, издательство «Рой» не успело выпустить в Польшу роман Ясенского. Неожиданно в другом, мало известном издательстве «Мева» («Чайка»), появилась «перевод» романа «Человек меняет кожу». О качестве этого издания можно судить уже по обложке. На ней изображен двухцветный американец, наполовину в красную, наполовину в голубую клетчатую одежду, надолгоу продитанного человека, улыбающегося. Рядом с американцем изображен экскаватор в виде некоей башки или маяка в чем-то вроде

РАССКАЗЫ МИХ. ДЖАВАХИШВИЛИ

Михайлу Джавахишвили у нас, на севере, почитаются. В то время как грузинской художественной литературы на русском языке почти совсем нет, его творчество представлено в переводах сравнительно полно. Только что появившийся в издании ГИЗ сборник его рассказов в основном повторяет русское издание 1927 г.

М. Джавахишвили силу своего дарования наиболее полно проявил в новеллах. И если первое русское издание его повел оставалось неизменным русской критикой, то теперь, в обстановке серьезного и широкого внимания к литературе народов СССР, новое, дополненное издание не может остаться в тени.

Предпоследняя книга толковой вступительная статья «от редактора» страдает существенным недостатком: в ней комментируются лишь новеллы, включенные в рецензируемый сборник, и о слова не говорится о других произведениях М. Джавахишвили, о его идейно-творческом пути, отмеченном большими ошибками и значительными достижениями.

Начав свою литературную деятельность задолго до революции, Джавахишвили далеко не сразу сумел приблизиться к правильному пониманию явлений советской действительности. Долгое время он находился на правом фланге грузинских писателей «допущенческого» типа. Со времен советизации Грузии Джавахишвили неоднократно уклонялся в сторону от основных путей развития грузинской советской литературы, сбавляющая порою явное непонимание существа культурной революции и социалистического строительства.

Но самокритически переосмыслив свое прошлое, М. Джавахишвили отошел от враждебных пролетариату позиций и в настоящее время принимает активное участие в литературной жизни советской Грузии. Законченный после 23 апреля 1932 г. большой исторический роман Джавахишвили «Армен из Маралы» (издан в 1933 г. «Советской литературой») несмотря на ряд недостатков и идейных срывов является несомненным литературным достижением.

Если бы обо всем этом было кратко сообщено во вступительной статье, русским читателем стал бы значительно понятнее большой рассказ «Чашечка», очень характерный для перемены во взглядах Михайла Джавахишвили, произошедшей в начале первой пятилетки. Этот рассказ написанный на тему о грузинском «сменовеховстве», в значительной мере обнаруживает «сменовеховские» настроения самого автора. М. Джавахишвили удалось хорошо изобразить полное политическое банкротство и распад грузинской мелкобуржуазной эмиграции. Тонко переданы сложные настроения выдающегося керамиста Ноляра Шубидзе, убедившегося после долгих лет эмигрантского прозябания, что настоящая творческая жизнь возможна только в советской стране. Но выявлено острое политическое отношение к строительству социализма самого автора.

С художественной стороны «Чашечка» написана умело. Это великолепно композиционно уравновешенная, выдержанная «фортепьянная», отступления в прошлое героя, несколько не нарушают развития основного сюжета. Колоритно, с большим напряжением описан нелегальный переход границы Ноляром Шубидзе на обратном пути в советскую Грузию.

Несмотря на ряд художественных достоинств едва ли стоило включать в сборник рассказ «Третий», представляющий собою чрезвычайно рас-

страненную пастель и старую литературным штампом «исповедь женщины». При внимательном чтении становится ясно, что все явления импрессионистической поэмы и классовой борьбы, все политические события, затронутые в рассказе, служат лишь внешним фоном. Основное место занимает в рассказе «судьба» женщины, мучительно переживающей свои личные драмы, обрамляющей внимание на события эпохи лишь тогда, когда они «стихийно» нарушают течение ее биологической жизни.

Мих. Джавахишвили пытался здесь ошибочно утверждать, что же самое, что он стремился в своем романе «Белый вороник» выставить как некий тезис: примат биологического начала над социальным в человеке. Сущность повывенного эротизма некоторых произведений Джавахишвили заключается вовсе не в порнографии, а в старой попытке применить в художественной литературе идеалистическую, антимарксистскую теорию Фрейда. Сейчас Фрейдизм, по мнению, уже жижит Михайлом Джавахишвили.

Рассказ «Опоздал», написанный в 1925 г., обнаруживает также недостаточную связь писателя с нашей эпохой. Он написан на старую гуманистическую тему, не отличающуюся особой оригинальностью, о слепой девушке, прозревшей после операции. В нем нет ни малейшего намёка на советскую действительность. Описываемые небольшие события висят как-то вне времени, лишены всякого социального значения.

Повесть «Ламбало и коша», занимающая основное место в сборнике, посвящена сравнительно недавнему прошлому Закавказья. Джавахишвили очень ярко и правдиво изображает нагое хозяйство русских империалистов в Северной Персии в эпоху мировой войны. Вера в существование от лица военного врача-грузина, автор создал на этом фоне ряд выразительных и запоминающихся человеческих образов: айерского священника Лазара — подлого приспешника русских захватчиков, епископа Павла — жестокого и лицемерного империалиста в рясе, беспомощного и вялого персидского вая, молодого словняника-перса Гассана — невинную жертву русского самодержавного «правосудия», старого отца Гассана — Назата, мечтающего за смерть сына.

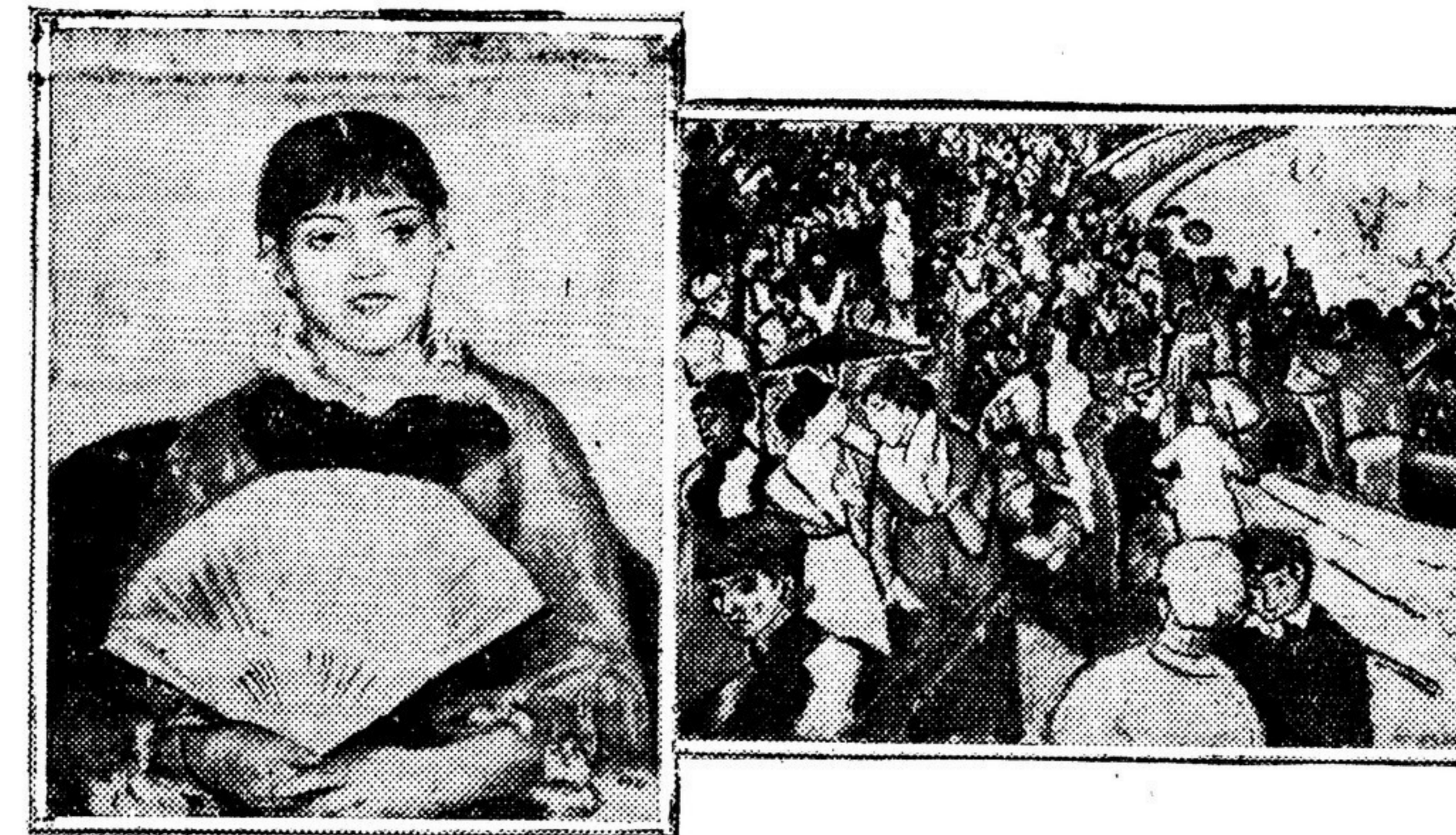
Но при всей политической направленности повести против русского великодержавного империализма нет даже и в ней подлинного социального зорения. Удачно показывая истинно разлагающую парскими властями национальную рознь, М. Джавахишвили не вскрывает классовых корней происходящей борьбы. Национальное как бы поглощено у Джавахишвили социальное.

С другой стороны, в то время как в некоторых своих произведениях Джавахишвили проявляет черты национализма, в «Ламбало и коша» прекрасно показано, как национальное чувство оскорбленного персией властями грузина перерастает в ощущение братской солидарности угнетавшихся тогда народов.

Не менее талантлив рассказ «Неповинный Абулла», созданный на тему о судебной ошибке и об архаических пережитках человеческого быта. Здесь почти все внимание автора сосредоточено на раскрытии психологии отсталого и слабо буржуазного крестьянина. Джавахишвили делает это мастерски, но статичность, не показывая вовсе внутреннее развитие своего героя Абуллы. Благодаря этому из рассказа можно сделать заведомо ложный вывод, что человеческая психология даже в советских переделанных условиях якобы не поддается социальному переоснащению.

Мих. Джавахишвили проявляет в «Рассказах» незаурядное дарование, живость языка, писательскую зоркость, но также и некоторую однообразность в отборе и оценке материала. Будучи художником-реалистом, он долгое время не мог преодолеть до конца элементы буржуазно-идеалистического мышления. Но произвела пероупенку ценностей, сейчас он в основном стоит на правильном пути. Наши читатели с интересом и пользой прочтут большинство его повестей и рассказов, являющихся уже пройденным этапом идейно-творческого развития выдающегося грузинского писателя.

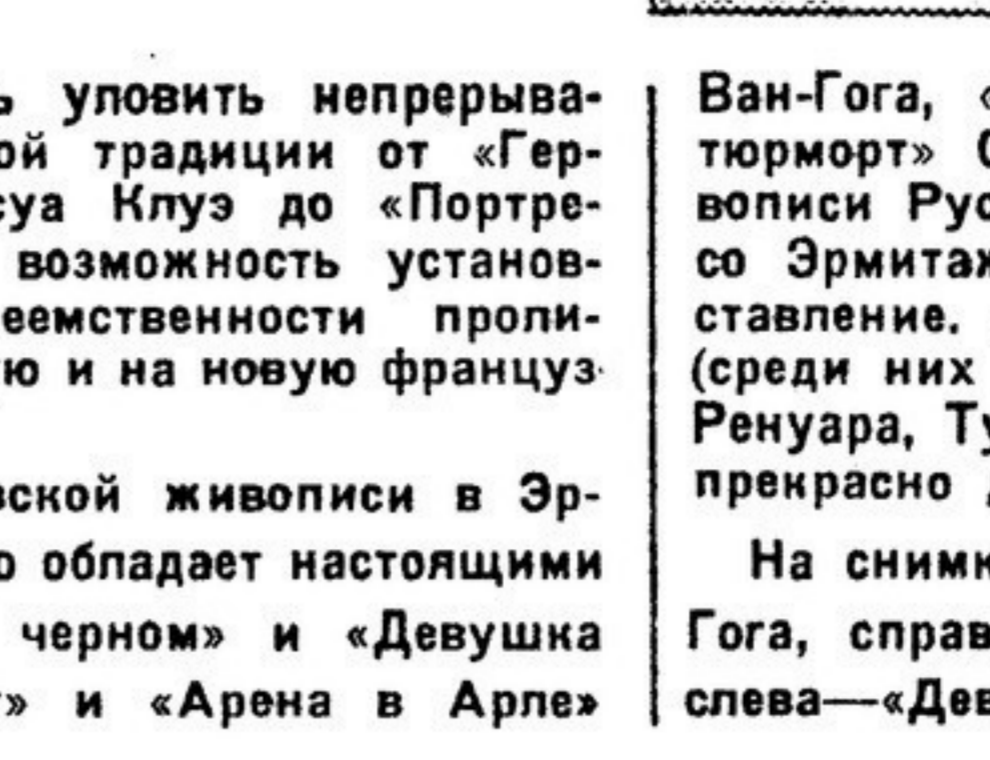
ВИКТОР ГОЛЬЦЕВ.

Отдел новой французской живописи в Эрмитаже образовался в результате обмена произведений искусства между Москвой и Ленинградом. Этот обмен сыграл большую роль в деле заполнения пробелов в музеях обоих городов. В Эрмитаже стала особенно ясной одна черта, ускользавшая от наблюдения в Москве в силу изолированности Музея нового западного искусства. В непосредственной близости со всей французской школой очень легко увидеть, что новые французские художники столько же традиционалисты, сколько и новаторы. Только в Эрмитаже

мы получили возможность уподобить непрерывную линию живописной традиции от «Грота Алессандро» Франсуа Гюйо до «Портрета девушки» Перера. Эта возможность установления художественной преемственности проливает новый свет и на старую и на новую французскую живопись.

Собрание новой французской живописи в Эрмитаже немногочисленно, но обладает настоящими шедеврами, как «Девушка с трубочкой» Сезанна, «Девушка с веером» Ренуара, «Нуст» и «Арена в Арле» Ван-Гога.

На снимках: в центре — «Арена в Арле» Ван-Гога, справа — «Человек с трубочкой» Сезанна, слева — «Девушка с веером» Ренуара.

Ван-Гога, «Туалет» Дега, «Автопортрет» и «Надгробие» Сезанна, «Стог сена» К. Моне. О живописи Руссо, Матисса, Боннара, Дерена, Пикассо Эрмитаж дает достаточно ясное представление. Литографии и офорты Эдуарда Мане (среди них иллюстрации к «Ворону» Эдгара По), Ренуара, Тулуз-Лотрека, Родена и многих других прекрасно дополняют собрание живописи.

На снимках: в центре — «Арена в Арле» Ван-Гога, справа — «Человек с трубочкой» Сезанна, слева — «Девушка с веером» Ренуара.

НА ПОВЕСТКЕ ДНЯ — ТВОРЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

ХАРЬКОВ (наш корр.). Первое заседание президиума вновь избранного правления союза советских писателей Украины могло служить неплохой иллюстрацией того курса, какой берет в своей работе правление союза — основное внимание уделять творческим вопросам и всемерно помочь писателям в реализации их творческих замыслов.

С этой точки зрения весьма интересен заслушанный президиумом творческий отчет Арк. Любченко. Писатель в своем отчете подчеркнул ошущаемое им на собственном творчестве огромное идейно-воспитательное значение последних событий на литературном фронте Украины — разгром украинских националистов, чистка партийной писательской организации Харькова и всеукраинский съезд советских писателей.

Все эти события, — говорит т. Любченко, — не могут не повлиять самым серьезным образом на творческий путь писателя. Нужно критически пересмотреть все свое прошлое творчество, раскрыть ошибки, осознать их до конца и выйти за создание произведений, достойных наших эпохи.

Арк. Любченко рассказал содержание недавно законченной им комедии «Моя твое», трактующей проблему социалистической и частной собственности. Сейчас писатель работает над романом, основным героем которого является здоровый, жизнерадостный человек наших дней: ближайшее время он планирует новую повесть на материале нового Донбасса, в частности новой Горловки.

Президиум после обстоятельного обсуждения отчета Арк. Любченко с удовлетворением отметила актуальность тематики, над которой работает писатель, и принял постановление, обеспечивающее писателю все возможности для дальнейшей плодотворной работы.

КАБИНЕТ УДАРНИКА

МИНСК (наш корр.). Правление оргкомитета союза советских писателей Белоруссии решило реорганизовать кабинет ударника. До сих пор кабинет не справлялся с возложенными на него задачами. Валевкими рукописи, слабо велась консультационная работа.

Сейчас этот кабинет будет находиться при Белгосиздате, правлении союза советских писателей и центральном правлении профсоюзов Белоруссии.

Утвержден значительно увеличенный бюджет кабинета. Это даст возможность развернуть большую работу, практиковать выезды на места и т. д.

ЗАДАЧИ И ПЛАНЫ ИРЛИ

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). Проступил к исполнению обязанностей директора института русской литературы Академии наук СССР, т. Л. Б. Каменев рассказав сотрудникам ИРЛИ о положении и перспективах института.

ИРЛИ, — указывает Л. Б. Каменев, — обладает огромными, неосвоенными культурными ценностями, значение которых в строительстве новой социалистической культуры будет все время возрастать. Однако положение этих ценностей, их хранение и использование находится в резком противоречии со стоящими перед ИРЛИ задачами и требованиями, которые могут быть предъявлены по всем нам со стороны советского государства.

Основные материалы в общем, поистинному, не превышают 30—35 проц. научных фондов. Музейные, библиотечные и архивные фонды каталогизированы в незначительной степени; пользование ими в научных целях благодаря этому чрезвычайно затруднено. В той же связи участие ИРЛИ в создании социалистической культуры, в изучении прошлого русской художественной литературы и неразрывно связанной с последним историей русской общественной мысли бесконечно меньше того, какими оно должно было бы быть. Научно-исследовательская работа, оживление которой, несомненно, недостаточно систематизировано и далеко не охватывает проблем, разработки которых вправду ждет советская страна от единственного в СССР высшего академического учреждения по литературоведению.

ВСТРЕЧА С ПАРТАКТИВОВ

ХАРЬКОВ (наш корр.). На днях в саду «Динамо» состоялось многочисленное собрание партийно-комсомольского актива Дзержинского района вместе с советскими писателями Харькова, посвященное работе 1-го всеукраинского съезда.

Тепло встреченные собравшимися И. Микитенко, И. Кирилenco, Я. Гордоский, П. Тычина, П. Панч, Л. Первомайский, А. Копыленко и С. Левитина рассказали о работе съезда и задачах, стоящих перед украинской советской литературой.

П. Тычина и Л. Первомайский прочли свои стихи.

Выступавшие товарищи приветливо советских писателей углубить тематику своих произведений, показать всю многогранность нашей яркой действительности и в частности отразить в своих произведениях процесс перерождения наших людей, создание нового человека.

С большой речью выступил на активе зав. сектором пропаганды марксизма и ленинизма харьковского обкома КП(б)У т. Гуревич.

ВЫСТАВКА ПЕРСИДСКОГО ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

ТИФЛИС (наш корр.). В связи с 1000-летием со дня рождения персидского поэта Фирдоуси в Азербайджане готовится перевод на турский язык «Шахнаме». В Баку организуется большая выставка классических произведений персидского искусства и литературы. Выставка покажет взаимоотношения искусства народов Азербайджана и Персии. На выставке будут представлены экспонаты, демонстрирующие материальную культуру X—XII вв.

Одновременно в Азербайджане выпускаются отдельные сборники, посвященные эпохе и творчеству Фирдоуси.

ПУШКИН НА АРМЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Армения издает собрание избранных сочинений Пушкина в новом переводе Тигра Ахумяна. В ближайшем будущем выйдет первый выпуск собрания, заключающий в себе следующие произведения поэта: «Пир во время чумы», «Скупой рыцарь», «Монах» и «Каменный гость».

Перед работниками соответствующих отделов Института стоят следующие задачи: в самый краткий срок до конца выявить, каталогизировать и описать музейные ценности института; приступить пока в лабораторном, черновом, порядке к подготовке по всем этим отделам, а также по научно-исследовательскому отделению, пятилетних планов работ; разработать на общих совещаниях всех отделов планы периодической публикации трудов института (трехмесячный журнал) и специального органа пушкиноведения, который должен служить продолжением издания «Пушкин и его современники».

А. КАДИКИС-ГРОЗНЫЙ

После непродолжительной болезни умер переживавший из Ленинграда на конференции латвийских писателей А. Кадикис-Грозный. Родился он 22 мая 1901 г. в Риге, в семье рабочих. Мать и отец уже в то время состояли членами нелегальной с.д. партии (мать в настоящее время член Общества старых большевиков).

А. Кадикис, член партии с 1917 г., уже 16-летним мальчиком вступил в ряды латышских стрелков, активно участвовал во всех боевых выступлениях стрелков. В 1918 г. в боевом отряде красных партизан Чевякиса был ранен в боях против колчаковцев у Ижевского завода. В последние годы Кадикис-Грозный работал в Военной академии им. Толмачева в Ленинграде и как аспирант в ЛО Ком. академии. Литературную деятельность начал с 1918 г. Тематика его рассказов — гражданская война. Его перу принадлежат рассказы, изданные отдельными книжками и напечатанные в латышской периодике; на русском языке отдельными книжками вышли «Четверть колодезь», «На берегах Даугавы» и др., кроме того его рассказы печатались в русских периодических изданиях. Последние работы (совместно с Я. Эйдуком) — повесть о латышских стрелках «Рижский фронт».

В лице т. Кадикис-Грозного советская латышская литература потеряла талантливую, яркую, богатую опытом гражданской войны писателя, литератора в таком же пылом отдавшего литературной работе, с каким боролся на фронте гражданской войны.

Р. ЭЙДЕМАН, П. ВИНСНЭ, Л. ЛАЙЦЕН, ЯНЬЕЛ-ВИАН, А. ЗАПРОВСКАЯ, Я. СВЕРИС, К. ПЕЛЕНАЙС, Я. ЭЙДУК, П. КИКУТIS, Э. БУРНЕВИЧ, С. БЕРГИС, К. ЮКУМ.

ЮБИЛЕИ ФИРДОУСИ В ПЕРСИИ

ТАШКЕНТ (воздушной почтой от наш. корр.). Персидская печать откликнулась живейшим интересом к мероприятиям научно-литературных организаций Советского союза по ознаменованию 1000-летия Фирдоуси. «Кунеш» и «Отгелая» переиздали из «Журналь де Москва» и «Плитра туркий» газеты информацию о программе празднования юбилея в СССР, днях Фирдоуси в Ленинграде и Узбекистане и т. д.

«Шефа» сообщает, что уже разослаены приглашения ориенталистам разных стран, сформирована комиссия по проведению праздника, выработана соответствующая программа.

Персидское литературное общество объявило конкурс на лучшие стихи о Фирдоуси. «Шефа» приводит условия конкурса: «Стихотворения должны отражать жизнь и идеалы Фирдоуси, высуги его в деле возрождения персидского языка и эпохи, укрепление национальных чувств. Заблуждения в деле устройства мавзолея Фирдоуси и приватность шагу».

По сведениям персидского общества национальных памятников, развёртывается подготовка праздника во Франции. Учреждается юбилейный комитет под председательством президента. Праздество будет организовано в зале парижского университета. Намечено провести нелегал Фирдоуси. Парижский муниципалитет организует демонстрацию. Персидское общество национальных памятников устраивает вечер в музее Гиме.

И. ИРАСЬ, МИРЗА ГУЛАМ.

Письмо в редакцию

Уважаемый т. редактор! Прошу в ближайшем номере редактируемой вами газеты поместить следующее письмо.

В своем выступлении на съезде писателей Таджикистана по вопросу об оселении Таджикстана в русской литературе я отметил работу т. Бруно Ясенского «Человек меняет кожу» как заслуживающую среди других работ на эту тему особого внимания.

Вместе с тем я указал на отдельные недочеты этой книги. Ввиду того что отдельные лица пытались неправильно истолковать мое выступление, я должен заявить следующее.

Большой заслугой т. Бруно Ясенского является то, что он взял на себя и добросовестно выполнил огромную трудность валаду художественно отобразить социалистическое переустройство б. перской колонии — Бухарского эмиратства.

Отдельные отмеченные мною недостатки являются естественным следствием огромных трудностей изучения всего своеобразия конкретно-исторической обстановки, особенностей классовой структуры, национальных отношений, быта и т. д. Таджикистана и не могут поколебать общественно-политическое значение этого романа.

Я уверяю, что т. Бруно Ясенский, дослывая четыре года творческой работе преодоления этих трудностей и отображения социалистического строительства Таджикистана в художественной литературе, продолжает эту работу со свойственными ему добросовестностью и талантом.

Секретарь ЦК КП(б) Таджикистана **Г. И. БРОЙДО.**

ПОПРАВКА

В напечатанной в прошлом № «З» заметке «Густав Реглер в Ленинграде», принятой по телефону, было допущено искажение. Полный абзац заметки следует читать: «Из книг немецких писателей-эмигрантов, изданных за последнее время за границей, надо отметить интереснейший роман Вальтера Шнитцлера «Убийцы при попытке и богатыря», показывающий разложение в радах штурмовиков».

Ответственный редактор **А. А. БОЛОТНИОВ.**

ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное объединение.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Тверской бульвар, 25, Дом Герцена, 3-й этаж, тел. 1-30-83 и 2-80-12.

ИЗДАТЕЛЬСТВО: Москва, Страстной бульвар, 11, тел. 4-00-18 и 5-51-60.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА «СОВЕТСКИЕ СУБТРОПИКИ»

«СОВЕТСКИЕ СУБТРОПИКИ» — Большая ежемесячная научная и научно-прикладная журнал. Орган Главного управления субтропических культур НКЗ СССР.

«СОВЕТСКИЕ СУБТРОПИКИ» ведут борьбу за осуществление директив партии и правительства в области социалистической реконструкции субтропического хозяйства страны.

«СОВЕТСКИЕ СУБТРОПИКИ» мобилизуют творческую и научно-производственную мысль для быстрого и полного освоения субтропиков СССР.

«СОВЕТСКИЕ СУБТРОПИКИ» содействуют внедрению в производство овозков и колхозов лучших достижений советской и мировой науки.

«СОВЕТСКИЕ СУБТРОПИКИ» широко освещают вопросы экономики, организации хозяйства, районирования, агротехники, интродукции и селекции, агробиологии, климатологии, технологии, механизации, защиты растений, борьбы с вредителями и т. д.

«СОВЕТСКИЕ СУБТРОПИКИ» уделяют исключительное внимание осваиванию на своих страницах иностранного опыта и освоенно его субтропическими хозяйствами.

«СОВЕТСКИЕ СУБТРОПИКИ» принимают участие лучшие силы ученых и специалистов.

«СОВЕТСКИЕ СУБТРОПИКИ» печатаются на хорошей бумаге, объемом 8 веш. листов. Журнал богато иллюстрируется.

Журнал рассчитан на работников научных и опытных учреждений, на агрономов, партийный и советский актив субтропических районов, руководящий состав субтропических озовков и колхозов, ученых и специалистов, на специальные вузы и техникумы.

Журнал рассчитан на работников научных и опытных учреждений, на агрономов, партийный и советский актив субтропических районов, руководящий состав субтропических озовков и колхозов, ученых и специалистов, на специальные вузы и техникумы.

Подписная цена: год—30 р., полгода—15 р., 3 мес.—7 р. 50 к. Цена номера — 1 руб.

Подписка принимается: Москва, 6, Страстной бульвар, 11, Жургазобединение, в книжных магазинах и в агентствах в Жургазобединении.

Упоном. Главлита В—84199.

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ И РАССЫЛАЕТСЯ ПОДПИСЧИКАМ СПЕЦИАЛЬНЫЙ НОМЕР 6 (июнь) ЖУРНАЛА «ТЕАТР И ДРАМАТУРГИЯ»

под редакцией **А. АФИНОГЕНОВА**

В номере:

- Адри Барбисе — Советский театр — ведущий театр мира. О. Литовский — Советская драматургия в Вессоаному съезде писателей. Что дали мне статьи А. М. Горького (А. Гавров, В. Сажинский, Е. Любимов, Л. Б. Каменев, В. Баженов, А. Давыд, Н. Хмель, М. Штраух, К. Ходков, А. Славин, И. Погодин, В. Витшевский, А. Успенский, И. Аксенюв — Давы советской драматургии. Д. Грудиня — Прогноз «курсовидания» в театре. Р. Писек — О путях советской драматургии. И. Кочерга — Часовник и кулиша (премьерная работа на Вессоаном конкурсе пьес). Ит. Собелен — Оглядывались назад.
- В номере четыре многогранных вкладыша: четыре портрета-буллето советских драматургов, четыре цветных (микроскоп) фотографии театров в 27 фотоизображений и зарисовок.
- Цена номера в розничной продаже 6 руб.
- Подписная цена: 12 мес. — 72 р., 6 мес. — 36 р., 3 мес. — 18 р.
- Подписку направляйте почтовым переводом: Москва, 6, Страстной бульвар, 11, Жургазобединение, или дайшите почте и отделениям Союзпечати.
- ЖУРГАЗОБЕДИНЕНИЕ.**

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ ТЕАТРАЛЬНОГО ИСКУССТВА ИМ. А. В. ЛУНАЧАРСКОГО

СЕКТОР ЗАОЧНОГО ОБУЧЕНИЯ

объявляет прием заочников на режиссерский и театроведческий факультеты (без отрыва от производства).

Режиссерский факультет готовит режиссеров драматического театра.

Театроведческий факультет готовит театроведов.

Срок обучения — четыре года.

Примем заявлений до 1 сентября.

Заочная программа высылается по получению марок на 40 коп.

Запросы направляйте по адресу: Москва, 9, Мал. Кисловский пер., 4, ГИТИС Заочный Сектор.

Типография газеты «Эк индустриальный», Москва, Цветной бульвар, 30.

ВСЕОБОЮНОЕ ОБЩЕСТВО КУЛЬТУРНОЙ СВЯЗИ С ЗАГРАНИЦЕЙ (ВОНС)

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ

ОТКРЫТА ВЫСТАВКА КИТАЙСКОЙ ЖИВОПИСИ

в залах Государственного Эрмитажа

Произведения китайской живописи VIII—XVIII вв.

Картины современных китайских художников и памятники китайского искусства из собрания Государственного Эрмитажа

Выставка открыта ежедневно с 11 ч. утра до 6 ч. 30 м. веч. (Ленинград, пл. Урицкого—Охтинский район бывш. Зямн. двора)

Издательство **«СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»**

выходит из печати и на-днях рассылается № 6 ПОДПИСЧИКАМ И ПРСТУПАЕТ В ПРОДАЖУ

«ЗНАМЯ»

ЕЖЕМЕСЯЧНО ЛИТЕРАТУРНО-ХОУДЕЖЕСТВЕННОГО И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

В. Кирилenco — Одиночество. О. Брик — Ассес и оборонная тема. И. Сечух — Становление поэта. Курал — Современная японская литература. Перев. с японск. Э. Дал.

НОВЫЕ КНИГИ

И. Эренков — Лирический эпос гражданской войны (Г. Фич. «Падение Дина-осера»). С. Юров — Руд. Бернцфельд «Линия прицела». В. Мельад — Книга о писателе-большевике (А. Камыгулов. «Художественный путь Фурманова»).

Условия подписки: 1 мес. — 1 мес., 3 мес. — 3 мес., 6 мес. — 6 мес., 12 мес. — 12 мес.

Подписка принимается в почтовых отделениях, письмоупотребителях, а также отдельных индивидуальных пунктах КОГЭИ.

Журнал «ЗНАМЯ» включен в рекомендательный список ПУРКА.

Издается **«СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»**

выходит из печати и на-днях рассылается № 6 ПОДПИСЧИКАМ И ПРСТУПАЕТ В ПРОДАЖУ

ЕЖЕМЕСЯЧНО ЛИТЕРАТУРНО-ХОУДЕЖЕСТВЕННОГО И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА

«ЗНАМЯ»

Издательство «СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

выходит из печати и на-днях рассылается № 6 ПОДПИСЧИКАМ И ПРСТУПАЕТ В ПРОДАЖУ

ЕЖЕМЕСЯЧНО ЛИТЕРАТУРНО-ХОУДЕЖЕСТВЕННОГО И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

В. Кирилenco — Одиночество. О. Брик — Ассес и оборонная тема. И. Сечух — Становление поэта. Курал — Современная японская литература. Перев. с японск. Э. Дал.

НОВЫЕ КНИГИ

И. Эренков — Лирический эпос гражданской войны (Г. Фич. «Падение Дина-осера»). С. Юров — Руд. Бернцфельд «Линия прицела». В. Мельад — Книга о писателе-большевике (А. Камыгулов. «Художественный путь Фурманова»).

Условия подписки: 1 мес. — 1 мес., 3 мес. — 3 мес., 6 мес. — 6 мес., 12 мес. — 12 мес.

Подписка принимается в почтовых отделениях, письмоупотребителях, а также отдельных индивидуальных пунктах КОГЭИ.

Журнал «ЗНАМЯ» включен в рекомендательный список ПУРКА.

ПОПРАВКА

В напечатанной в прошлом № «З» заметке «Густав Реглер в Ленинграде», принятой по телефону, было допущено искажение. Полный абзац заметки следует читать: «Из книг немецких писателей-эмигрантов, изданных за последнее время за границей, надо отметить интереснейший роман Вальтера Шнитцлера «Убийцы при попытке и богатыря», показывающий разложение в радах штурмовиков».

Ответственный редактор **А. А. БОЛОТНИОВ.**

ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное объединение.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Тверской бульвар, 25, Дом Герцена, 3-й этаж, тел. 1-30-83 и 2-80-12.

ИЗДАТЕЛЬСТВО: Москва, Страстной бульвар, 11, тел. 4-00-18 и 5-51-60.